

Андрей Ставров
Вракли-4

Сборник баек и рассказов

Андрей Ставров
Вракли-4. Сборник
боек и рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44556564

ISBN 9785005041791

Аннотация

За свою жизнь встречал немалое количество людей, сам попадал в истории и был просто свидетелем различных событий, наблюдал, прислушивался, даже подсматривал и подслушивал... Грех не поделиться. Если кто-то вдруг признает себя в моих байках и потащит в суд, я отобьюсь – всего лишь случайные совпадения. Хотя...

Содержание

Пособие начинающему мошеннику	6
Записки прохиндея	9
Предисловие	9
Часть первая	12
Профессионал	12
Билеты	13
Общепит	21
Камуфляж	26
Послесловие	34
Вместо заключения	38
Часть вторая	41
Правдолюб	41
Часть третья	50
Размышления честного человека или Честные глаза	50
Из серии святыне собеседования	70
1. Ангел-хранитель	70
2. Основы мироздания	88
Понедельник	89
Пятница	92
Понедельник. Две недели спустя	94
3. Попал! (Пасхальная сказка)	97
4. Жертва глобализации	102

Вракли-4

Сборник баек и рассказов

Андрей Ставров

Редактор Юрий Иосифович Будько

Корректор Нонна Николаевна Жилко

© Андрей Ставров, 2019

ISBN 978-5-0050-4179-1 (т. 4)

ISBN 978-5-4496-1317-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пособие начинающему мошеннику

*Незнание закона не освобождает
от ответственности.
Зато знание – запросто.*

Станислав Ежи Лец

Сразу предупрежу, это пособие было разработано на личном опыте автора в далёкие советские времена. Когда ло-

зунг «Всё для блага человека!» относился к конкретному индивидууму и небольшому его окружению, в то время как остальной народ был вынужден эти самые блага добывать различными способами. В том числе зачастую прописанными в некоторых широко известных документах. В частности уголовном или административном кодексах, различных законах и подзаконных актах. В этих же документах способы были не только описаны, но также определены и последствия их реализации в виде различных тюремных сроков и штрафов. Трудно осуждать тех, кто, нарушив одиннадцатую заповедь «Не попадайся!», сполна за это расплачивался. Нет, речь не идёт, конечно, о реальных преступниках, ворах, убийцах, грабителях и прочем криминале. Это в подавляющем большинстве обычные и почти честные граждане. Ну, вынес с завода нужную железяку. Так попробуй её купи в магазине! Где взять нормальные пиломатериалы кроме как ночью снести с ближайшей стройки, где их изведут по ерунде и, в конце концов, просто сожгут. Как женщине выгладеть с помощью магазина готового платья, где в наличии лишь одежда фабрики «Взятие Бастилии парижскими коммунарами», вид которой навеивает мысли о кладбище. Только у спекулянтов на толкучках. Ладно, тут ещё можно как-то исподлиться. Окончить курсы кройки и шитья, простоять пару лет в очереди за хорошей швейной машинкой и обшивать родных и не только. Даже с учётом относительно невеликого выбора тканей искусные женские ручки бы-

ли в состоянии производить шедевры. Купить доски, почти дрова, изготовить из двигателя старой стиральной машины деревообрабатывающий станок и превратить эти дрова в более или мене пристойный стройматериал и так далее.

Но как быть, если вы, к примеру, собрались в путешествие? Билеты, гостиницы, общественное питание... Сейчас, лёжа на диване и лениво тыкая пальцем в компьютер, вы в пять минут можете заказать билет куда угодно, что в Париж, что в Говнодонск. Там же гостиницу, да с трансфером в придачу. Тут же вызвать такси по любому из десятка номеров – и в путь... А раньше... Кассы аэрофлота были в сотне метров от нашего дома. Ровно за тридцать или сорок пять дней до даты вылета я занимал боевую позицию в момент закрытия касс. Впереди ночь бдения у дверей. Периодически появлялась жена с термосом горячего кофе. К полуночи подтягивались первые конкуренты, но я был ПЕРВЫМ. Это и был единственный шанс запастись билетами на всё наше длинное путешествие. При этом на его протяжении мы обходились без гостиниц. Часто палатка, иногда друзья и просто знакомые предоставляли приют. А вот когда билетов на руках нет, жить в незнакомом городе негде – как тут быть, как решать десятки больших и малых бытовых проблем? Только профессионализм мошенника высшего класса давал возможность в условиях тотального дефицита и в рамках действующего законодательства обеспечить приемлемый комфортный уровень жизни.

Записки прохиндея

Предисловие

До десятого класса я, в отличие от многих своих сверстников, мечтал быть то председателем КГБ с тем, чтобы, наконец, навести порядок в стране, то вдруг помещиком: добрым, справедливым, рачительным хозяином земли и своих крепостных, то благородным ковбоем типа Юла Бриннера из «Великолепной семерки». Но в университете в мои руки практически одновременно попали три книги, оказавшие существенное влияние на формирование меня как личности. Это «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» Ильфа и Петрова, истории про благородных жуликов О'Генри и «Одесские рассказы» Бабея. Как известно, героями этих произведений были жулики. Но не преступники, а обаятельные и веселые мошенники, дурившие обычных простоватых граждан, а также безграмотных представителей властей разного уровня. Дурить соотечественников мне казалось не вполне этичным, а вот власти любого уровня были заманчивой целью. Тем более, что вступив в самостоятельную жизнь, я тут же начал сталкиваться с несоответствием между лозунгами, ярко алевшими в окружающей среде и реальной действительностью этой среды. Естественно, что ви-

ну на это несоответствие я, как и подавляющее большинство сограждан, возлагал на всю вертикаль власти от генсека до Олимпиады Ивановны, дежурного администратора гостиницы в Мухосранске, куда я безуспешно пытался устроиться на ночь. До генсека мне было не добраться, и поэтому основным моим противником и была Олимпиада Ивановна – некий собирательный образ ответственного лица. Ответственного за место в гостинице, билетёра в кассах самолётов или поездов, начальника ЖЭСа, не желающего сделать обязательный ремонт у соседей сверху, где прорвало и капает и т. д. и т. п. А, если учесть, что мне пришлось помотаться по стране как самому, так и с женой и впоследствии с сыном, то столкновения с ОИ и ей подобными позволили сформулировать общие положения мошенничества в не особо крупных размерах. И, хотя с развалом СССР и переходом от недоразвитого социализма в такой же недоразвитый капитализм актуальность этих положений и кровью выстраданных рекомендаций существенно снизилась, но не исчезла. Более того, с открытием границ и попаданием в край непуганых идиотов в виде дремучих европейцев и прочих ненаших, эти рекомендации могут существенно упростить жизнь и даже её украсить.

Чтобы не ввести читателя в заблуждение, сразу определим два основных понятия. Мошенничество первого рода: действия, вступающие в противоречие с законодательством (в частности с УК) и наносящие прямой ущерб людям. Со-

ответственно, лицо совершающие такие действия относятся к мошенникам первого рода.

Мошенничество второго рода: действия, не попадающие под действие УК (см. И. Ильф и Е. Петров) и не наносящее прямого ущерба людям. По крайней мере, законопослушным людям (по О. Бендеру). Эти действия направлены исключительно на повышение качества жизни и создание более комфортных условий существования мошенника второго рода. Причем, что очень важно, без нанесения материального, но не морального вреда конкурентам.

Для того, чтобы описать рекомендации начинающему мошеннику второго рода, начнем с конкретных жизненных ситуаций.

Часть первая

Профессионал

Билеты

Нынешнее поколение не может даже в кошмарном сне представить себе, что такое новосибирский аэропорт Толмачево в конце августа. Перекрёсток направлений Север-Юг и Восток-Запад. Конец лета. Толпы возвращающихся из отпусков, помноженные на толпы убывающих, конец школьных каникул, командированные, шабашники, празднующиеся. И к этому, постоянные задержки рейсов. В те времена обычными были рейсы с промежуточными посадками. С направления Восток-Запад самолеты не часто летели по расписанию. Малейшая непогода в Петропавловске-Камчатском – и сотни пассажиров из Новосибирска, желающие рейсом П.-К.-Москва добраться до столицы пополняли аэропортовскую орду. К кассам и стойкам регистрации не пробиться. Да что там, в здание аэровокзала не войти.

Я с приятелем прилетел в Толмачево местным рейсом из глухого сибирского села, где почти месяц мы шатались по тайге. Билетов, конечно, у нас не было. В те времена билеты на самолет можно было купить в течение 15 минут после открытия касс на рейс ровно за 30 дней до момента вылета. Обычно я запасался полным комплектом билетов на себя и на своё семейство, но в этот раз из-за неопределённости в маршруте и, главное, в датах прохождения основных точек, билеты были только до конца в одну сторону и до Ново-

сибирска – в обратную. Предполагалось, что в зависимости от поступившей по дороге информации от друзей, мы либо рванём домой, либо в Благословенную Бухару, где нас уже ждали друзья со своей многочисленной толпой родственников, не говоря о накрытых столах и знаменитом узбекском гостеприимстве, либо на Кавказ по похожей причине. Как выяснилось, актуальным оказался первый маршрут и поэтому следующей точкой назначения был Ташкент. И вот, только мы вышли из своего самолета, я услышал объявление о начале регистрации на рейс Новосибирск-Ташкент. Приятель, понуро оглядев толпы людей в здании аэропорта, подавленно замолчал, впал в прострацию и на внешние раздражители уже и не реагировал. Я взял его за руку, вывел наружу и усадил на ступеньки.

– Сиди тут и кури, только ни шагу в сторону. Если приспичит, пидай тут, прямо на газон. Тут все так делают.

Судя по аромату, я был прав. Оставив приятеля, я пробился к стойке регистрации. Близко подходить не собирался, лишь определил место. Стойка трещала под напором толпы, состоящей преимущественно из лиц соответствующей национальности. Все они истошно вопили: «Дэвушка, дэвушка! Мине одын билетик!» Далее были слышны маловразумительные крики, зачем и почему именно ему, кричащему особо выразительно и громко, нужно было именно сейчас попасть на этот рейс. Сотни рук с паспортами и вложенными туда денежными купюрами разного достоинства тянулись

к прилавку. Невозмутимые, как солдаты почётного караула у стен Мавзолея, девушки, привычными жестами отводили эти руки в стороны, принимали билеты и багаж счастливых. Мне же надо было совсем в другое место: я искал заветную дверь с надписью «Посторонним вход.....».

Правило 1. Перед тем как начать действия, внимательно проведи рекогносцировку на местности, найди нужный вход и запомни пути отхода.

Идя по залу в поисках двери, я внимательно оглядывал толпу и слушал. Почти сразу же заметил двух пробежавших мимо барышень в форме. И с видом местного, имеющего отношение к аэропорту, как бы на ходу, бросил:

– Кто сегодня начсмены?

Поскольку этот симпатичный парень совсем не был похож на просителя, также на ходу одна из них ответила не оборачиваясь:

– Вероника Сергеевна (Очередная Олимпиада Иванова!).

Правило 2. Собирай информацию. Кто знает, что и когда может пригодиться.

– Женщина. И, наверное, не младше лет 40. Помоложе вряд ли доверят, – подумал я и обрадовался. Это был мой любимый возраст. Дверь нашёл быстро и засел в засаду в приблизительно в двух метрах от нее.

Правило 3. Никогда не ломись в закрытую дверь, если не уверен.

Наконец дверь открылась и оттуда выскочила молоденькая барышня в форме. С деловым выражением на лице, быстро шагая навстречу, я кинул:

– Вероника у себя?

Барышня кивнула головой и добавила, что у той пере-
сменка и, скорее всего, она сидит в маленьком кабинете, что
направо в конце коридора. Я, сохраняя тот же деловой вид,
вошёл в дверь, двинулся по коридору и остановился в 5—
6 метрах от кабинетика. Дверь туда была приоткрыта. Посто-
ял минуту, настраиваясь и подойдя к двери, открыл её по-
шире. Открывал как бы с испугом, как бы боялся, что делаю
что-то неправильное.

*Правило 4. Самое важное. Никогда не готовь речь заране-
е. Всё равно не запомнишь, от волнения начнешь сбивать-
ся и заронишь подозрение в неискренности. Всегда, перед тем
как начать боевые действия, представь себя в роли того,
кто действительно попал в тяжёлое положение. Если ты
молод, а предмет атаки годится тебе в матери, представь
себя её сыном, который в отчаянии мечется по аэропорту
в поисках помощи. Если ты молодой и обаятельный муж-
чина, а указанное лицо молодая барышня, представь себя её
поклонником, добивающимся расположения... И так далее
в зависимости от собственного пола и возраста и, соответ-
ственно, пола и возраста объекта атаки.*

Я протиснулся в образовавшийся проём, увидел сидящую
вполоборота ко мне женщину лет пятидесяти, пьющую чай

из большой чашки. Замер, слегка шмыгнув носом, и гулко глотнул слюну. Женщина повернула голову и уставилась на меня.

Правило 5. Самое, самое важное. НИКОГДА не начинай разговор сам. Только в особо исключительных случаях, которые будут описаны ниже. Объект надо вынудить начать первым. Здесь наиважнейшую роль играет твоё выражение лица. Не дай бог, чтоб оно было просящим. Нет, оно должно быть несчастным до отчаяния и безысходности. Такое выражение, наверное, бывает у самоубийцы, перед тем, как выстрелить себе в висок. Если ошибёшься, то наиболее вероятным могут быть:

– Сюда нельзя! Или: Как Вы сюда попали? (гневно). Или наихудшее: Немедленно выйдите и закройте дверь!

После этого ты можешь прекратить все попытки и уныло отдаться судьбе обычных людей. Лучшее всего, если тебя встретят:

– Слушаю Вас. Или: В чем дело? (ласково). Или: Вы ко мне?

Но мечтой каждого мошенника второго рода является фраза:

– Я могу чем-то Вам помочь? Услышав её, ты можешь быть уверен почти на 100%, что победил. Но, не ошибись, не вздумай проявлять радость. Только чуть-чуть судорожно вздохни, как бы с облегчением.

Скажу без показной скромности, к тому моменту я был

реальным виртуозом, и Вероника Сергеевна промолвила эту волшебную фразу. Далее всё пошло как по маслу. Изображая волнение, нерешительность, смущение и легкую надежду, я вдохновенно врал. Через пять минут после того, как это всё завершилось, клянусь, вряд ли смог вспомнить в деталях, что говорил. Попурри на тему: группа, отстал, самолёт завтра из Ташкента куда-то, там практика, опоздаю – не дождутся, диплом, товарищ из-за него. Ввернул про мать, безотцовщина, я единственная её надежда, и так, и этак. Неважно, что ты говоришь, важно как. После этого страстного монолога Вероника Сергеевна сказала дрогнувшим голосом:

– Идите на регистрацию, я позвоню туда.

Вероятно, у неё был сын, и она представила его на моём месте, растрогалась и вероятно, даже чуть не всплакнула, когда за мной закрылась дверь. Я уходил по всем правилам. Как бы не веря до конца в счастье, на полусогнутых, боком, что-то бормоча в знак благодарности, с прорвавшимся легким всхлипом.

В коридоре я отряхнулся, сбросил с лица сиротское выражение, в общем – преобразился. Быстрым шагом прошёл к регистрации, жёстко отгеснил толпу и остановился перед барышней за стойкой. Она вскинула голову, хотела что-то сказать, но тут зазвонил телефон. Она ещё думала, брать трубку или нет, как я слегка наклонившись к ней, сказал тихо:

– Это обо мне. Вероника. Возьмите.

Девушка взяла трубку, послушала, положила на место. Взяла ручку и на бумажке написала: два билета до Ташкента. Протянула мне и сказала, чтоб поспешил к кассе, регистрация скоро окончится. Я рванул к кассе, ввинтился в толпу, сунул в кассу оба паспорта, деньги без сдачи (это тоже важно!) и записку. Через несколько минут с билетами в руках выскочил из здания, подошёл к приятелю, протянул его паспорт и билет и сказал обалдевшему:

– Давай, шевелись, скоро регистрация кончается.

Приятель запел, коверкая Маяковского :

– Я бы русский выучил только за то, что на нём говорил ты!

Мы быстро пошли на регистрацию, и тут я чутким ухом уловил среди хора узбеко-таджиков, что-то рязанское:

– Ну, пожалуйста, ну я же тут третьи сутки...

Стон шёл от молоденького лейтенанта с красными от бессонницы глазами. Ясно было, что отпуск и что три дня пропали напрочь. Я вздрогнул, живо представил себя в этой роли и остановился. Пробился к той же барышне за стойкой и сказал:

– Ой, совсем забыл. Вероника Сергеевна про этого лейтенанта ещё говорила.

Барышня с ненавистью глянула на мою рожу уже приобретающую обычный нахальный вид, собралась было позвонить, но передумала, вздохнула и следующая записка оказалась в моих руках. Тут же переадресовал её несчастному и велел

не мешкать. Тот на автомате, ещё ничего не понимая, одним прыжком оказался у кассы, другим обратно у стойки. Он настолько обалдел, что пришёл в себя только в Ташкенте, бросился искать спасителя, но я слыл среди некоторых друзей человеком благородным и тихонько от него сбежал.

Правило 6. Никогда не упускай возможности поделиться с ближним куском тебе привалившего счастья. Помни – Бог справедлив, и это настораживает.

По такому же сценарию я бомбил многочисленные гостиницы, где администратором выступала очередная Олимпиада Ивановна. В зависимости от её возраста я разыгрывал сцену типа: несчастный сын не может найти угол, чтоб дожидаться перевода от бедной мамы и купить билет на самолет, так как предыдущий вместе с деньгами и другими документами был украден; слава богу, паспорт был предусмотрительно спрятан в нагрудный карман рубашки, или не менее несчастный отец многочисленного семейства не может найти угол... и далее по тексту.

Общепит

Мы с женой и другом Виталиком ехали на поезде из Ташкента в Самарканд по дороге в Бухару, в очередной раз навестить обожаемого друга семьи, известного под прозвищем Бухарец. В Самарканде мы рассчитывали пожить пару дней в гостинице, и ознакомиться с местными достопримечательностями, включая лучший базар на всем советском Востоке. Виталий болтался с нами по сибирской тайге и уговорил захватить в Ташкент на пару дней к его сослуживцу и другу Фимке. Папа Фимки был большим начальником на железной дороге, и фамилия у него была редкая: Рабинович. Папа устроил всем троим путешественникам прекрасное и дешёвое жильё в подведомственном доме в Самарканде, а в Бухаре, как вы понимаете, нужды в гостинице не было.

Поезд едва отошёл от станции, как вся тройка направилась в вагон-ресторан, справедливо полагая, что закрома полны и есть чем себя порадовать. Ресторан был пуст, мы уселись за первый же столик и позвали официанта.

– Так, – молвил Виталик по праву старшинства. Он был на три дня старше меня и считался начальником в компании и ещё потому, что Восток знал с детства. Точнее, думал, что знал, так как всё про этот самый Восток напел ему Фимка во время внеочередных нарядов на кухню. – Сначала чай с лепёшкой и немного кураги. Потом шурпа и плов. Если нет

дыни, согласны на арбуз.

– Нэту, – ответил официант.

– Чего нэту? – передразнил уже я его.

– Нычего нэту. Эсть толко рыба хек и пуре.

Сказать, что я возмутился, значит, ничего не сказать.

Как же так, только что отъехали, я же своим глазами наблюдал погрузку в ресторан всех тех аппетитных вещей, которые пытался заказать приятель.

– Слушай, зачём крычиш, а? Сначала нада рыбу кушать, чтоб не испортилась, уже нэдэлю в холодильнике. А потом другое.

Тут я совсем взбесился.

Правило 7. Держи всегда себя в руках, не подавай вида, говори негромко, но убедительно. Чем дальше от столицы, тем можешь громче. На Востоке можешь орать.

– Ну-ка, зови директора ресторана, – внятно сказал я голосом средней громкости.

Позвать директора ресторана для официанта было всё равно что простому монаху – Папу Римского. Он на дрожащих ногах зашёл за перегородку. Оттуда появился большой, очень толстый узбек, похожий на карикатуры на плохих узбеков в газете «Звезда Востока». За его плечами, вытягивая шею и быстро-быстро моргая, глядел официант. Директор прислонился к перегородке и поманил меня к себе толстым как сарделька пальцем. Считалось, что я должен был пасть ниц и, ползя на коленях, вымаливать прощения за свою

несусветную глупость. Тут я совсем вышел из себя – как же, мне, к тому времени ведущему сотруднику ядерного центра... строго посмотрел на директора, выставил руку вперед и повелительным жестом махнул, дескать, а ну ко мне! Директор сначала не понял, потом как-то дёрнулся, официант сзади его исчез, что-то грохнуло, наверное, завалился в обморок. Директор, держась неестественно прямо, подошёл к нашему столику. Всё ещё не понимая, он уставился на гоп-компанию своими маленькими маслянистыми глазками, открыл рот и собрался заорать. Не успел. Я, развалившись на стуле, сам заорал в полную мощь:

– Мы, – орал я, – гости уважаемого товарища Рабиновича! Мы сотрудники крупнейшего ядерного центра! Мы...

Как позже, давясь от смеха, рассказывала моя жена, я продолжал орать ещё многое, а директор справился с параличом и заорал в ответ. Услышав истошный вопль директора, я, как тот глухарь на току, отключил уши от внешних раздражителей и уже не помнил себя от ярости. Неожиданно жена ткнула локтем мне под рёбра и прошипела:

– Перестань орать. Лучше послушай, что он несёт.

А директор нёс следующее:

– Что? Чай? Щас и немедленно! Лепёшки – самаркандские свеженькие, плов с чем? С бараниной, говядиной... и так далее.

Завершил он свой ор почти нормальным голосом, широко улыбаясь и смотря одновременно на меня и, естественно,

на жену мою любимую:

– Желание женщины – закон для директора ресторана!

На стол накрывал он сам, подавал всё быстро, по малейшему знаку гостей.

Правило 8. Опытный мошенник второго рода должен спинным мозгом чувствовать грань между образом начальника, в который он собирается войти и уровнем представляемого мошенником начальника. В зависимости от обстоятельств, собственного вида в данный момент, формы одежды и других признаков, можно быть в образе как маленького начальника, так и очень большого. Не перебирай, не старайся быть большим, чем требуется в данном случае. Будь крайне осторожен. Малейшая фальшь — и могут набить морду.

В своё время, когда в ресторан было попасть с трудом, особенно в вечернее время, а в меню напротив многих блюд стоял прочерк, я применял это правило просто и действительно. Усаживался за стол и ждал официанта. Чем дольше тот не подходил, тем более суровое выражение следовало принять.

– Чего изволите? – наконец, с легким пренебрежением спрашивал официант, почти не глядя на незнакомого посетителя, т.е. в данном случае на меня.

– Бутылку пива, салат оливье и жалобную книгу, – отрывисто, будто приказывал, говорил я ему

– А книгу-то, зачем? – спрашивал ошарашенный офици-

ант, сильно напрягаясь.

Тем же тоном следовало ответить:

– Чтобы ознакомиться.

После этого вопрос о качестве обслуживания и полноте меню отпадал и, вкусно отобедав, я даже иногда оставлял мелочь на чай.

Камуфляж

Для существенного увеличения эффективности сценария «Я начальник» стоит потрудиться над изготовлением фальшивых документов. Нет, речь не идет о реальных подделках. Используется абсолютно легальный твой собственный документ. Лучше всего это удостоверение о прохождении курсов повышения руководящих кадров или преподавателей высшей школы. Может сгодиться в принципе любое удостоверение, включая служебное. Очень хорошо, если ты охотник и имеешь удостоверение на право хранения огнестрельного оружия.

Я в те годы служил в ядерном центре, который был в местной Академии наук, но кормился из рук всесильного Средмаша. Для преобразования своего удостоверения в надлежащий вид, я взял за образец удостоверение отчима – замминистра. Сделал небольшие подложки на внешние стороны документа и обтянул их специальной красной бумагой с тиснением, которую купил в ближайших канцтоварах. По моей просьбе давний друг Владик, закончивший с отличием мехмат столичного университета и в связи с этим работавший художником на местной швейной фабрике, изготовил недостающие компоненты. Из обычной так называемой золотой фольги от конфет, он виртуозно вырезал и герб СССР и отдельные буквы – Министерство (большими), среднего маши-

ностроения – мелкими. Наклеил на удостоверение, которое теперь даже с расстояние полуметра производило убойное впечатления на объект обработки, при условии, что какое именно министерство было прикрыто пальцем. Ту же процедуру я проделал со своим разрешением на владение охотничьим оружием. Причем слово охотничье было убрано. Там герба не было, но цвет красный и буквы золотые. Но для того, чтобы пользоваться таким документом, надо было отработать приёмы, характерные для фокусников или карточных шулеров.

Правило 9. Никогда не суй эти документы под нос объекту. Сделай так, чтобы он как бы случайно, мельком их заметил. Увидев его реакцию, слегка смутись, махни рукой. Можешь произнести:

– Ах, чепуха, не обращайтесь внимание. Дело ведь совсем не в том, кто в какой должности работает.

Это сражает наповал. Я делал проще, складывал все документы в большой кожаный бумажник с прозрачными кармашками (переделка стандартного). И когда возникала необходимость, лез в карман то ли за кошельком или паспортом или, на худой конец, за носовым платком. Случайно задевал бумажник и ронял его так, чтобы тот открылся на нужной вкладке. Этого я добился путём длительных тренировок. Извинялся, быстро подхватывал и закрывал со скоростью, достаточной чтобы позеленевший объект мельком увидел требуемые удостоверения.

Исключения из правила 9. Никогда не проделывайте это с милиционерами, гэбэшниками и вахтерами. У них глаз наметанный, могут начать подозревать. Нужный эффект достигался на всей территории СССР, кроме Москвы, Питера, Киева, Иркутска и Бобруйска.

Изображение начальника и фальшивые удостоверения особенно хорошо работали в национальных окраинах страны. Так как я имел обыкновение отпуск проводить именно в этих местах, то накопил большой опыт и щедро делился с учениками.

Так, один из них, наиболее талантливый Серега по совету учителя сделал следующее. Купив одним из первых среди сотрудников ядерного центра «Жигули», он пошил себе пиджак, почти неотличимый от милицейского. Пришил погоны с полковничьими звездами и повесил на крючок в машине у заднего сидения. Снаружи звезды сразу бросались в глаза. Купил себе несколько сменных голубых рубашек и стал интенсивно нарушать ПДД. При остановке гаишником, из машины не выскакивал угодливо на встречу, а сидел и ждал. Уже при подходе к машине опытный гаишник замечал звёзды, подходил к открытому окну водителя, отдавал честь и заискивающе говорил о лёгком превышении скорости. Серега благожелательно, но строго смотрел на него и говорил о том, как хорошо, что у нас такие бдительные гаишники, нечего смотреть на заслуги и звания, нарушил, так нарушил, а, понимаешь, тут служба и т. д. и т. п. Гаишник, даже не требуя

документов, опять козырял и быстро отходил от Серegiной машины на почтительное расстояние. Самое удивительное, что этот приём работал безотказно как в советские времена, так и по сей день, когда солидный и лысый Серега правит не «Жигулями», а мерсом.

Моя жена виртуозно исполняла роль мошенницы второго уровня по ряду причин. Первая, и самая главная, заключалась в полном несоответствии её внешнего вида невинной девочки, которой едва минуло шестнадцать лет и дамы в раннем периоде бабушки двух деклассированных девиц. И голоса нашкодлившей пятиклассницы. Ну и проживание со мной под одной крышей также оставило неизгладимый след в её кристальной до нашей женитьбы биографии. Кстати, свою карьеру она начала, выйдя за меня замуж фиктивно, по ложной информации о том, что женатых в армию не берут. Выступив в качестве доброй самаритянки, она сама того не подозревая, вступила на скользкий путь мошенницы второго рода. А в дальнейшем и члена ОПГ, организованной преступной группировки, состоявшей вначале из двух, а позже с рождением нашего сына, и трёх преступников. Как злостная нарушительница ПДД она эффективно использовала другой действенный прием. Так как жена, будучи профессором, по совместительству читала лекции на юрфаке нескольких ВУЗов, где на вечерних и заочных курсах учились, в том числе милиционеры, то при остановке её гаишником, спрашивала своим ангельским голоском:

– Ваше лицо мне знакомо, Вы случайно у меня не учились?

Пару раз из десятка остановок оказывалось, точно, учился. Но, даже если нет, то на всякий случай гаишник отпускал её с богом. Однажды она зверски подрезала гаишную машину в центре города. Я сидел рядом и не скрывал своего ликования – наконец, супружницу лишат прав, и буду гонять на машине сам, не вступая каждый раз в пререкания, кто ныне за рулём. Жена переместилась в гаишную машину и вскоре вышла из неё с какой-то бумажкой в руке. Это был удивительный документ, хранимый в семье как реликвия: Письменное УСТНОЕ предупреждение! Ни тебе штрафа, ни, тем более, лишения прав.

Сам же я пользовался иным приемом. В случае остановки за нарушение ПДД, выходил из машины и понуро двигался к гаишнику. Сев в его автомобиль, сразу же соглашался, что нарушил, потом начинал разглагольствовать, что всё правильно, что они, гаишники, стоят на страже их, водителей, здоровья и безопасности, что надо пресекать нарушения и наказывать строго нарушителей... Гаишник обалдело выслушивал этот трёп, не зная как себя вести. Как правило, дело кончалось устным предупреждением, но иногда минимальным штрафом по статье «Не пристегнутые ремни безопасности».

Правило 10. Никогда не спорь с милицией. Соглашайся только на малые проступки, на большие — иди в несознанку

до последнего. Благодарю милиционера, сочувствуй его трудной, но почетной работе, заговори его так, чтобы он забыл о причине твоей остановки.

Недавно я применил это правило по случаю лишения меня прав. Мы ехали на море на машине. В Албанию. Т.е. через всю юго-восточную Европу. И надо же такому случиться, что в двух километрах от границы с Польшей я умудрился не только не заметить ГАИ, но пересёк у них под носом двойную сплошную. Мало того, так подрезал эту самую гаишную машину, что они чуть в столб не влетели, благо успели затормозить.

– Ну, – сказал разъярённый майор забирая мои права, – молитесь бога, чтоб вас лишили их на два года. За такое минимум пять лет будете ходить пешком.

Отпуск они мне испортили, хотя-то я в основном ездил не за рулём, а справа, в качестве бессловесного мешка с картошкой. Водителем же была моя жена. Так что особых изменений бы не произошло, но всё-таки... Ладно, за границей, там даже если и изловят, то самое большое штраф влепят. За многие наши поездки нас ни разу их гаишники не останавливали. Так тут у нас не забалуешь...

Ладно, вернулись мы домой и я на следующий день, как и было предписано, пошёл в районное отделение ГАИ. В предбаннике перед кабинетом начальника отиралась небольшая толпа коллег по несчастью. Естественно спросили, мол за что? Я рассказал. Народ сочувственно загудел:

– Пять лет дадут. Кидайся в ноги, чтоб хоть два, – посыпались советы.

Подошла очередь и я зашёл. За столом сидел полковник.

– Фамилия, – начал он.

Я сказал. Он нашёл папку с моим делом, открыл и глянув, продолжил:

– Что же это Вы, уважаемый, мало того, что ПДД нарушаете, так создали аварийную ситуацию и с кем! С сотрудниками ГАИ!

Он приготовился услышать моё бляение на тему, простите Христа ради, больше не буду, чёрт дёрнул...

Я же начал по-другому:

– Товарищ полковник! Каждый идиот должен расплачиваться за свой идиотизм. Нечего скулить, коль согрешил. Наказание должно быть неотвратимым и святая обязанность сотрудников ГАИ стоять на страже нашей же безопасности на дорогах!

Полковник вытаращился на меня и, слегка окаменел и даже чуть приоткрыл рот от изумления. Я продолжил:

– У меня лишь есть единственная просьба – нельзя ли меня посадить на три месяца в тюрьму за это нарушение?

Полковник гулко сглотнул и спросил:

– Почему именно на три месяца?

– Дело в том, что через три месяца важная конференция в Международном Агентстве по атомной энергии в Вене. У меня доклад по проблеме организации радиационного

контроля на границах государств. Кстати, я нарушил ПДД именно по дороге в Польшу, где мы вместе с нашими таможенными органами...

Далее я в таком же тоне развернул перед ошарашенным полковником страшную картину радиационного терроризма. Представил себя как бесстрашного бойца на ниве предотвращения контрабанды радиоактивных источников. Песня акына продолжалась ещё минут пять. Наконец я выдохся и замолк. Полковник минуту молчал, потом прокашлялся, написал что-то в моём деле и сказал:

– Посадить мы Вас не можем. Ладно, не будем создавать проблемы нашим спецслужбам. Короче, штраф и будьте, пожалуйста, впредь поаккуратней.

Я поблагодарил тоном, типа, молодец, правильно оцениваешь международную обстановку и вышел

– Ну? – встретили коллеги по несчастью.

– Штраф, – гордо сказал.

– Б...ь! – раздалось хором. – И как же ты умудрился?

– Кто на что учился, – ответил я загадочно и полетел на крыльях домой, где жена сидела за столом с выпивкой и закуской, чтоб помянуть мои права. Мы выпили, но за их здоровье.

Послесловие

Вообще, как показал мой многолетний опыт, люди, что в СССР, что в его развалинах простодушны и доверчивы. Не злоупотребляйте этим. Особенно на Востоке. Там был благословенный край для мошенников второго рода. Был, и кажется по некоторым данным сохранился до сих пор. Что-то типа Бобруйска из Ильфа и Петрова. Когда-то мы гостили у самого любимого друга семьи Бухарца. Тот уже жил в Питере, где женился и обзавелся тремя детишками, поселился в шикарной четырёхкомнатной квартире в трёхстах метрах от Исаакиевского собора. В Бухару прибыл в отпуск в очередной раз вымаливать прощение у родни за брак с русской... Загуляв с многочисленными друзьями Бухарца я слегка перебрал и заспорил с одним из присутствующих по теме о простодушии и доверчивости местного населения. Чтобы доказать свою правоту предложил сделать следующее. Достали полосу красной материи длиной около пяти метров и шириной около метра. Бухарец, вспомнив навыки учителя рисования, большими красивыми буквами написал: «Сегодня работать лучше, чем вчера, завтра – лучше, чем сегодня». И снизу надпись: моё имя и фамилия. Кумач ночью растянули между домами поперёк небольшой улицы недалеко от центра. Я спорил, что лозунг провесит неделю, вплоть до нашего отлёта домой. Бухарец же с прия-

телями считали, что назавтра его снимут. Назавтра днём они пришли на эту самую улицу. Лозунг висел на своём месте. Прохожие не обращали никакого внимания, лишь некоторые поднимали голову и любовались: улица как-то стала выглядеть наряднее.

Спор я выиграл с потрясающим результатом. Кумач провисел не только до нашего отлёта, но ещё три года. Он сильно полинял, но буквы были отлично видны. Приезжая ещё несколько раз в Бухару, я неизменно приходил полюбоваться своим произведением, а Бухарец с друзьями каждый раз проставлялись по поводу сокрушительного поражения. Наконец, весенним ветром 1991 года его сорвало. Судя по всему, его бы восстановили и повесили на место, но грянул август, СССР отдал концы и лозунг больше не появился.

Со временем в период перехода от развитого социализма к недоразвитому капитализму область применения мошенничества второго рода постоянно сужалась. Место Олимпиады Ивановны в присутственных местах стали занимать молоденькие барышни и шустрые молодые люди. Билеты, номера в отелях и прочие нужные вещи легко заказать по интернету, оплатить и, валяясь на диване дома, ждать пока принесут... С развалом Союза стало стремительно развиваться мошенничество первого рода, целью которого было быстрое приобретение денежных знаков путем незаконного отъёма их у недоразвитого государства и простодушного населения. Тем не менее, многие приёмы, описанные выше, действуют

и поныне. Кстати, не только в республиках бывшего СССР, но и в разном зарубежье. Но тут следует отметить, что в этом самом настоящем зарубежье пропала главная причина, толкающая честного человека на скользкий, но приятный путь мошенника. Нет там, ё-моё, никакого дефицита. Ни в материальном воплощении, ни в услугах. Совсем наоборот, всегда есть в наличии места в гостинице, особенно, если заранее поискать через любой из многочисленных сайтов, всегда есть билеты, опять же, если не поленишься и заранее потыкать пальцем в клавиши компьютера, всегда есть места в ресторане и практически в любое время, а про продукты и товары и говорить не приходится. Остаются мелочи – как пройти без очереди на выставку или в музей, как занять правильное место на фуршете для себя и коллег, на халяву пообедать и выпить... Так, ерунда, но приятно. Правда, чтобы ими там пользоваться, надо в совершенстве владеть языком, по крайней мере, английским. Европейцы, особенно из числа старших братьев по разуму, т.е. западные, простодушны и наивны, и как сказал мне наш сын, переместившийся в такую настоящую за границу, это край непуганых идиотов. Он тогда только переехал с женой, и та была уже в положении нашей первой внучкой. Естественно, ни он сам, ни его жена ещё в этой за границе ничего не знают и не понимают. Зашли в аптеку, надо было какое-то лекарство. У него спрашивают, дескать, страховка есть? Да нет, пока нет, ждём, отвечает. Следует учесть, что по страховке лекарство на порядок дешевле.

Ладно, говорят в аптеке, получите страховку, зайдите и покажите. А сейчас берите лекарство как по страховке. А сын мне пишет, был бы он настоящим мошенником, процветал, но тут даже как-то неловко дуриль простаков. Я соглашаюсь. Для меня они как дети. Дуриль детей в целом стыдно. Хотя иногда...

Вместо заключения

Следует отметить, что мои действия в рамках указанного вида мошенничества не затрагивали напрямую обычных граждан. Как показал опыт, ВСЕГДА в кассах были билеты, в гостиницах места, в меню отсутствующие блюда... Обычно в моё отсутствие они доставались людям, зачастую попавшим под действие первого вида мошенничества или тем, у кого кошелек напоминал чемодан по сравнению с кошельком обычных граждан толщиной в пару трамвайных билетов. По этой причине особых угрызений совести я не испытывал – за исключением одного единственного случая.

Исключения из правил.

Несмотря на вынесенное вначале пояснение, что мошенничество второго рода предполагает действия, не вступающие в противоречие с законодательством (в частности с УК) и не наносящие прямой ущерб людям, бывают случаи, когда эти принципы могут быть нарушены. Дело чести мошенника второго рода немедленно исправить ситуацию даже со значительным для себя ущербом.

Итак: как-то раз я был в командировке. Я не знал, когда вернусь назад и, соответственно, не брал обратного билета на самолёт. Дело было в далеком сибирском городе, аэропорт был маленький, и рейсы совершались далеко не каждый день. Выяснив, когда будет ближайший, я имел в запа-

се пару дней, которые провёл в праздности и безделье. Ясное дело, в кассах городка билеты были только на самолеты, вылетающие не ранее, чем через месяц. Меня же, как виртуоза мошенника, это совершенно не волновало. Для упрощения процедуры вылета в нужный срок, я, тем не менее, купил такой билет и отправился в аэропорт. Там действовал по известному сценарию. Быстро решил проблему – как оказалось, вовремя, так как свободное место было только одно, оставленное для большого начальника. Тот отказался лететь буквально за несколько часов до отлёта.

В запасе было пара часов, и я вышел из здания аэропорта. Погода стояла отличная. Делать было нечего, кроме прогулок туда-сюда вдоль дорожки с рядом скамеек. На одной сидела старушка. Я в задумчивости брел мимо, как вдруг за своей спиной услышал легкий всхлип. Обернулся. Старушка почти беззвучно плакала. Я развернулся и подошёл. Спросил с участием:

– Бабушка, что-то случилось? Может помочь смогу.

Старушка покачала головой и тихо сказала.

– Да нет, помочь ты не сможешь.

И опять тихонько заплакала. Потом почти шёпотом стала говорить, что приехала из далекого села, что вызвали её звонком на почту, а не заверенной телеграммой. Что сынок её лежит в больнице и ему сделали операцию. Слава Богу, всё обошлось, но Вы же знаете какой уход в наших больницах. Вот и собралась помочь. А билетов нет и следующий само-

лет только через два дня. Сказала, что позвонила в аэропорт ещё с вокзала и ей сказали, что может быть, место найдется. Когда же она сюда приехала, а ехала долго, так как на такси денег нет, сказали, что мест нет. Было одно, да какому-то большому начальнику отдали.

Я сказал, чтоб сидела и ждала меня, попросил паспорт и помчался в здание аэропорта. За 15 минут всё было решено, и с билетом и паспортом вернулся к старушке. Протянул паспорт и билет и сказал, что место нашлось, причем бесплатное, для ветеранов. Сегодня у них какая-то годовщина. Поэтому и бесплатно. Сказал и тут же дал дёру. Метров через 100 оглянулся. Старушка все еще стояла и смотрела мне вслед...

Почти с год я не мошенничал, а жил как все честные люди.

Часть вторая

Правдолюб

Хотя я никогда не скрывал от друзей свою практику мошенника второго рода, но и особо не афишировал. Тем не менее, кое-кто из них иногда пользовался моими методами, иногда удачно, иногда не очень. Причём бывали случаи, что очень не очень... И тогда появилась одиннадцатое правило

Правило 11. Не зарывайся. Можешь пострадать.

Дефицит – великий двигатель
специфических общественных отношений.

Аркадий Райкин. « Дефицит».

Когда-то в одной из своих интермедий Аркадий Райкин говорил о дефиците. Помните: если есть дефицит, есть и уважаемые люди, которые «сидят» на этом дефиците. Мечтой нашего общества было наступление такого времени, когда дефицит исчезнет. На что Райкин в завершение говорил: да, это прекрасно, но пусть всё-таки хоть какой-то, хоть самый маленький дефицит, но останется – а то, как же быть тогда совсем без уважаемых людей? Эта интермедия была отражением реальности нашего тогдашнего существования.

История, о которой пойдет речь, случилась давно, во времена расцвета застоя. Её много лет спустя рассказал мой старый приятель, сосед по дому, где я жил с мамой. Кое-что я приукрасил, но Петька – так буду звать его – в детстве парнишкой был так себе. Мы не очень его любили за хитроватость и постоянное желание словчить, сачкануть, а, главное – за ненадежность. Положиться на него никто из нас не решился бы. Но потом Петька повзрослел, здорово изменился и полностью излечился от своих недостатков. Процесс излечения начала его умная жена, но по настоящему Петруха перевоспитался после этой истории. Для меня Петькина история послужила хорошим уроком, я сделал из неё правильные выводы и всегда умел вовремя остановиться в своих прохиндейских действиях. Особенно за границей, где наказание может быть и не таким суровым, как на Родине, но гораздо бо-

лее чувствительным для нашей семьи – лишением визы и запретом на получение новой.

Петя всегда мечтал быть мошенником, но боялся. Врожденный страх, внушенный родителями и комсомольской организацией, останавливал его всякий раз, когда в магазине самообслуживания, сначала рука тянулась к пачке, на которой было написано «Масло», а потом с этой пачкой в карман. Это позже, во время всеобщего перехода от научного коммунизма к не менее всеобщему религиозному экстазу, он узнал, что это называется «Не укради». Впрочем, красть он и не собирался. Семейного жалованья хватало, чтобы в рамках общесоветской благопристойной бедности выглядеть как все. Ну, как говорят, всё у них было – как у людей. Дело было в другом. Пять раз в неделю Петька спал в каком-то НИИ с 9 утра до 17—30, когда его будили и выталкивали на улицу. Жена спала где-то в похожем месте. Их деятельность была лишена каких-либо особенных свойств и не могла привлечь к семье нужных и полезных людей. Среди друзей и просто знакомых, было много хороших, но бесполезных с точки зрения решения проблемы дефицита. Не дорос несчастный Петруха до того, чтоб дружить с мясником, продавцом мебельного магазина или, на худой конец, киоскером «Союзпечати».

Дело в том, что те годы характеризовались всеобщим дефицитом, и профессия продавец, по привлекательности, бы-

ла сродни таким героическим профессиям, как космонавт или, например, инструктор райкома партии. Дефицит постоянно напрягал Петьку каждый праздник, будь то Новый Год или день рождения тёщи, и требовал выполнения обязательного ритуала под названием БОГАТЫЙ СТОЛ. Шампанское, банка шпротов, палка копчёной колбасы и кое-какие мелочи были обязательными атрибутами этого стола. Достать их без нужных связей было практически невозможно. Иногда, случайно, всё это доходило до прилавков. Но такие события, во-первых, далеко не всегда совпадали со своевременным появлением у таких прилавков Петьки, а во-вторых, даже если совпадение и происходило, то до ближайшего праздника было далеко. Всеобщая семейная страсть покушать вкусенького, делало невозможным сохранить попавшие в Петины руки деликатесы, хотя бы совсем непродолжительное время.

И вот, случилось. Однажды, Пётр оказался в райисполкоме по необходимости получения какой-то справки. Ждать пришлось долго и он стал у окна, где пустая консервная банка указывала на место для курения. Закурил и приготовился ждать. Время было рабочее, а потому было все равно, что спать на рабочем месте, что простаивать здесь. К курилке подошли двое. Оба почти одинакового, среднего возраста, с выражением на лице, типа «жизнь удалась».

– Вот же, до чего торгоши обнаглели, правила торговли

на виду, а им хоть бы хны, – произнёс один из них, тот, что повыше ростом.

По тому, как уверенно и совершенно раскованно он держался, даже невооружённым глазом было видно, что его жизнь удалась чуть получше, чем у его товарища.

– Представляешь, зашёл в наш гастроном отовариться. Слышу крики. Два амбала шмонают бедную старушку. А она – обрати внимание – в одной руке корзинку инвентарную держит, а в другой – свою сумочку. Так эти из сумочки пачку масла вытащили и орут. Ну, думаю, попалась бедняжка. Но тут-то оказалось, что имеется чек из соседнего гастронома. Я к ним и говорю: что же вы, уважаемые, правила советской торговли (пункт 51, параграф 2) нарушаете? Старушка с корзинкой, и вы не имеете права осматривать её сумочку. Вон, над кассой эти правила висят, читайте. Они на меня, я им нашу ксиву. Ну, дальше – кабинет директора, канючили простить.

– Ну, и во что простил? – хихикнул второй мужчина. Жизнь у него тоже удалась, но ещё не на столько, как у первого. Однако, все шансы её улучшения также читались на его лице.

– Пара коньяка да финский сервелат.

Мужики докурили и ушли. Из кабинета выскочила знакомая машинистка.

– Эй! – крикнул шёпотом Петруха. – Что это за два мужика тут курили?

– Да инспекторы из отдела надзора за торговлей и общественным питанием, – прошелестела машинистка.

Наш герой на работу не пошёл, а заскочил в районную библиотеку, где запросил подшивку «Вечернего Мухасранска». Быстро найдя в одном из номеров утверждённые Горисполкомом «Правила розничной торговли и общественного питания», он незаметно вырезал всю страницу и помчался домой. Вечер ушёл на штудирование документа. Кое-что важное он выписал в записную книжечку. Туда же положил несколько вырезанных абзацев. И на следующий день вышел на «охоту». Надвигались ноябрьские праздники, и в холодильнике отсутствовало главное – шампанское.

Магазин «Подарки». На полке наборы – шампанское и куча сопутствующего барахла. Стоимость запредельная.

– Какие классные подарочные наборы... – пропел Петр Сергеевич елейным голоском – И кто же такие собирает? – невинно поинтересовался он, обращаясь к продавщице, внешний вид и всё поведение которой идеальнейшим образом могли послужить иллюстрацией к любому из «Семи смертным грехам».

– Мы сами! – добродушно рыкнуло чудовище.

– Тогда, – вкрадчиво продолжил он – распакуйте мне один, и продайте бутылку шампанского.

От изумления, чудовище онемело. Но, быстро пришло в себя, и тут Петька узнал много нового о себе и о близких, а также и о далёких родственниках. Он выслушал этот

лингвистический шедевр, достал записную книжку и гнусавым голосом дьячка, зачитал пункт 39, параграф 9, который гласил, что покупатель имеет право требовать... Разговор окончился в кабинете директора магазина, в присутствии вызванного Петей инспектора райисполкома. Держа в руках вожделенную бутылку, а также небольшой сверток с двумя баночками шпротов и зеленого горошка, счастливый «охотник» прибыл домой, где был встречен толпой ликующих родственников в лице жены, малолетнего хулигана и любимой тёщи.

С этого дня, Петькина жизнь развернулась на 180 градусов. В самое короткое время он стал кошмаром рядовых продавцов и директоров магазинов в радиусе километра от своего дома. Бдительно замечая все нарушения правил торговли и общественного питания, он напрямую бомбил директоров или вызывал одного из известных инспекторов райисполкома. Те были ему благодарны по двум причинам: во-первых, незапланированный визит в магазин по просьбе трудящихся пополнял шкафы и холодильники инспекторов, а во-вторых, в конце квартала их отчётность выглядела столь отличной от других, что обделить их квартальной, а также годовой премией начальство никак не могло.

Пётр Сергеевич процветал. Продавцы бледнели при его появлении, директора иногда встречали у входа и сразу же заводили к себе в кабинет. Оттуда он выходил с чувством ис-

полненного долга и с внушительным свёртком подмышкой. Так все продолжалось три года. На работе дела тоже шли неплохо и выражение на Петькином лице всё ближе и ближе походило на «жизнь удалась». Однако, наряду с продвижением по службе, это никак не улучшало его отношений с сослуживцами. Что поделаешь – зависть могучая сила... Всё рухнуло в одночасье. Зайдя как-то в любимый гастроном, просто так, для поддержки тонуса, наш правдолюб с удовлетворением отметил эффект своего появления. Он подошёл к мясному отделу и стал рассматривать выставленное на продажу то, что по недоразумению называлось мясом.

– Где рубщик? – привычно он начал своё первое действие.

Возле прилавка стоял невысокий крепко сбитый парень в синем халате. Слегка наклонив голову, он внимательно посмотрел на Петруху.

– В чём, собственно, дело? – начал, было, он.

Подскочившая к парню продавщица отдела, стала взволнованно шептать ему на ухо. Народный инспектор-любитель ждал, пока новенького просветят о его высокой миссии. Парень выслушал, кивнул и ушёл в подсобку.

«За рубщиком», – подумал Петруха. Через минуту парень вышел в сопровождении двух горилообразных грузчиков.

– Так вот, – сказал парень внятно и тоном, который, обостренная интуиция новоявленного «Остапа» восприняла адекватно (типа: уносим ноги!). – Щас эти двое подержат тебя за руки, – а я положу эту пачку маргарина тебе в карман.

Потом мы обратимся к посетителям с просьбой быть свидетелями задержания вора. Ну, и... милиция, протокол, письмо на работу.

Петька обладал мгновенной реакцией. Представив реакцию собственного начальства и сослуживцев, глаза малолетнего хулигана и тётщи, КПЗ и прочее, он, вытянувшись в струнку, по-военному чётко отчеканил:

– Понял! – и пулей вылетел из магазина.

Весть о посрамлении правдолюбa мгновенно разнеслась по окрестностям. Пять лет Петр Сергеевич закупался в дальних магазинах. Вёл себя тише воды. Потом грянула перестройка, революция, дефицит исчез, продавцы перестали быть уважаемыми людьми, но ещё долго несчастный правдолюб боялся заходить в «свои» магазины, хотя персонал там давно уже сменился.

Часть третья

Размышления честного человека или Честные глаза

Впервые я узнал, что выгляжу как честный человек много лет назад в поезде Москва-Прага на границе БССР и Поль-

ши. Мы, моя жена и наш друг ехали по приглашению в Чехословакию. Современный человек младше пятидесяти не поймет всю исключительность и потрясающее, волшебное звучание этих слов – ЗА ГРАНИЦУ по ПРИГЛАШЕНИЮ. Во-первых, Чехословакия в те времена была реальной за границей, даже более реальной, чем почти капиталистическая Югославия или ГДР, в которую СССР вбухивал немалые деньги чтоб доказать неоспоримое преимущество социализма (ГДР) над капитализмом (ФРГ). 1968 год потряс соцлагерь и он, лагерь, стал делать всё, чтобы чехи забыли тот год и стали примерной для всех, в том числе и для Запада, страной, верной заветам Ленина и своих «святых». Что такое ЧССР в те годы? Для туристов – 2500 замков из сказок Шарля Перро, расположенных в местах, словно сошедших с картин немецких романтиков середины 19-го века. Картинные галереи с картинами, которые в не то что в подлинниках, но даже на цветных репродукциях не видели большинство советских искусствоведов. Альфонс Муха с его «Славянской эпопеей», Моравский Крас, горы, Карловы Вары. В Праге, которую почти по Жванецкому наша столица покрывала как бык овцу, 1600 кафе и ресторанов. Бутылка пива или кружка в пивной – 10 копеек на наши деньги. Пиво 100 сортов, по сравнению с худшим из них наше «Жигулевское» не могло даже называться этим благородным словом. За десять крон, т.е. рупь на наши, можно было получить порцию восхитительных колбасок с неизвестного совтуристу

гриля с такой же неизвестной ему же картошкой фри, салатом, вкус которого никак не связывался с этим нашим общепитовским понятием и, главное – кружку ОХЛАЖДЕННОГО ДО НУЖНОЙ ТЕМПЕРАТУРЫ ПИВА!!! Витрины колбасных магазинов потрясали воображения даже пользователя чёрных входов обоих Елисейских магазинов и даже счастливиц, отоваривающихся в буфетах Академии общественных наук при ЦК КПСС. Я пытался сосчитать число сортов колбасных изделий, Срывался на плач после 50. Персики я попробовал впервые в Братиславе. Не просто персики, а дивногреческие. Каждый, размером с кулак Валюева, был завернут в отдельную бумажку, а вкус... При этом они были по цене паршивых яблок в овощном на углу моей родной улицы. Бокал мартини со льдом за 40 копеек в каждом баре. А джинсы, сапоги, кроссовки и прочее, и прочее, и прочее, и прочее.....

В ЧССР можно было сравнительно легко попасть в качестве совтуриста. Особенно легко для жителей окраин нашей необъятной, особенно для тружеников полей, станков, руля и других уважаемых профессий. Более того – по льготным профсоюзным путёвкам. Помню, в центре Архангельской области, где я не один год в составе шабашной бригады успешно разваливал сельское хозяйство, на дверях конторы леспромхоза я видел объявление. «Срочно. Желающие получить путевки обращаться в профком. ЧССР – 11 дней, 145 руб, Париж – 7 дней, 204 рубля...» Потерял сознание

и до конца не дочитал. Путёвки были дешёвыми, но и денег меняли всего ничего. В капстрану 30—50, в соцстрану — не более 100 рублей в эквиваленте местной валюты. А там же есть всё, всё что надо любимой жене (мужу), детям (особенно), родне, друзьям, друзьям друзей. Каждый совтурист, включая старшего по группе, принадлежавшего к славной когорте наследников Железного Феликса, знал, что можно провезти с собой официально (водка, икра и т.д), что можно полуофициально, поделившись с Товарищами и что на свой страх и риск. Всё это обменивалась ТАМ на местную валюту и тут же спускалось в дешёвых магазинах, посещение которых было частью обязательной программы тура. Помню рассказ приятеля, который по ошибке органов таки попал в Париж. Одна из членов делегации, дама среднего возраста, партийно-профсоюзной закалки, зайдя в Тати (дешевейшая барахолка, куда спихивался залежалый товар со всего города), увидела все ЭТО и... упала в обморок.

Кроме нехватки денег была и ещё ныне забытая, а в те времена известная особенность. В одиночку гулять было нельзя — только небольшими группами и с обязательным присутствием в группе или самого главного старшего или его доверенного лица. Программа поездок включала такие интересные места, как дом-квартира местного жителя, в котором в 190... году Ильич попросился в туалет, деревня, где в 194... году немцы по дороге на Восток проявили свое зве-

риное нутро и т. п. График был очень плотным и на свободные групповые шатания по городу времени оставалось совсем немного. Ну, а если, вдруг, по самым невероятным причинам кому-то удавалось получить ПРИГЛАШЕНИЕ оттуда на частную поездку, пройти все процедуры получения разрешения в ОВИРе и таки поехать в эту вожделенную заграницу, то для окружающих счастливица друзей, он был сродни небожителя. Что же такого особенного для обычного совслужащего, какими являлись нас трое, было в этом волшебном слове?

Первое – нам меняли астрономическую сумму денег – 15 руб в день на одно лицо. Для меня с женой это составляло 900 рублей на месяц пребывания (правда, весь месяц мы там не сидели, хватало и 3 недель). Несмотря на окончание срока давности, помолчу, как доставались эти 900 при учёте, что наша семейная месячная зарплата «грязными» едва превышала 250 р. Что такое 900 рублей там, в ЧССР – смотри выше. Второе – мы были АБСОЛЮТНО вольны в передвижении по стране. Езжай, иди, ползи куда хочешь. Третье – важное, имеющее непосредственное отношение к теме этого повествования. Приглашение посылали друзья мамы и, как оказалось, у них там, в ЧССР был тоже дефицит. Дефицит не в нашем понимании – нет ни хрена, а есть, но дороговато. Выгоднее попросить нас привезти это. Причем ЭТО, у нас за товар-то и не очень считалось (кроме золота, конечно). И был налажен такой вот бартер. Мы им стран-

ные вещи – бензиновые моторчики для велосипедов, телевизорчики «Электроника-ВЛ», с экраном чуть больше пачки сигарет, чайные сервизы (!), поделки из полудрагоценных камней и янтаря... Ну и, золото, а также десятирублевки. Почему-то именно они имели хождение среди определенной публики. Цена на всё это устанавливалась как среднее арифметическое между нашей и их, что давало выгоду и нам и друзьям. Товар же, конечно, предназначался родне, друзьям друзей, соседям и просто знакомым. По этой причине выгода была обоюдной с большим профитом для нас, что естественно. Риск требует компенсации. На вырученные от бартера и на честно полученные от государства при обмене наших кровных 900 можно было:

- свободно мотаться по стране (поездное сообщение прекрасное и недорогое);

- пить, есть то, о чём ранее читал и даже то, о чём слыхом не слыхивал. Однажды, гораздо позднее, в конце голодных 80-х, чтобы порадовать сына перед Новым годом, я привез ананас, который нам был известен из книги «О вкусной и здоровой пище», изданной в дохрущевский период, киви и авокадо. Два последних плода были нам полностью незнакомы. Попробовали киви – фрукт. Можно есть. А авокадо? В книге про него ничего сказано не было, а на вкус – не разобрать. Попытки выяснить у друзей по телефону: «Скажи пожалуйста, авокадо это фрукт или овощ и с чем его есть?», нарывались как минимум на бросание трубки и отборный

мат, как максимум;

– купить джинсы, шубы, кроссовки... Всё что душа пожелает. Друзья при расчете за бартер получали так называемые боны. Это что-то вроде наших сертификатов в магазины для иностранцев «Березка». Но там, в их «Березках» («Тузекс», по местному) было такое... Джинсы – что ни есть, американские. Ранглер, Ливайс, даже Ли Купер (С Ли Купер лайф супер!), а для женщин... Молчу. Тогда воображения не хватало. Колготки за копейки. Жена решила не покупать сразу, а так: «Зайду, – говорит, – в магазин, куплю парочку». В конце поездки набегала добрая сотня. А чешское стекло! А знаменитый магазин в Праге у Карлова моста «У Сальвадора». Это был спецмагазин – пряности. Там было то, о чём мы читали у Похлебкина, но ни разу в глаза не видели, даже мускатный цвет, не говоря о десятке разных перцев и другой экзотики. Первые тефлоновые сковородки.

Итак, чтобы всё это попало нам в руки, прежде всего, требовалось довести наш товар туда, чтоб, значит, их товар сюда. Подарки закупались не одну неделю, раскладывались по коробкам, мешочкам, сумкам... и, наконец, в количестве «Дама сдавала в багаж...» всё заносилось в вагон и раскладывалось по всем доступным и даже частично недоступным местам. Оставалось дело за малым – пройти таможенный контроль на выезде из СССР, на въезде/выезде в Польшу и на въезде, собственно, в ЧССР.

Следует отметить две проблемы. Первая – это наша таможня. Поезд, который битком набит туристическими группами. Редкой птицей среди этой огромной стаи командированные, иностранцы и мы, в том числе. ВСЕ туристы пытаются правдами и неправдами провезти нечто, что даст некоторую прибавку к тем жалким валютным грошам, что они получили при выезде. По этой причине таможня усиленно бдит и не допускает расхищения соцсобственности. Второе – въезд в ЧССР. Последствия 1968-го года ещё свежи. наших туристов, собранных из разных там Мухасрансков и Говнодонсков, чехи (по большей части) люто ненавидят. Если среди таможенников попадетсЯ именно такой, то добра не жди. Плевать на то, что в нашей таможне нам сказали, что можно и в каком количестве везти, найдут – мало не покажется.

Середина июля. Все формальности окончены, мы во всеоружии: красненькие заграничные паспорта с вожделенной записью «Выезд разрешён» и печатью ОВИРа в нагрудном кармане застёгнуты на пуговичку и на всякий случай дополнительно прихвачены английской булавкой. Поезд подходит к Бресту. Нас, как я говорил, трое. Начнём с друга. Он до такой степени интеллигент, что даже костюм производства швейной артели «Наш ответ Керзону» из города Моршанска сидит на нем как Хуго Босс на потомственном англичанине. Не говоря о том, что на друге именно почти Хуго Босс (чёрт знает, как, но он всегда мог на родине достать то, что даже там казалось редкой удачей). Даже семечки этот

сукин сын ел ножом и вилкой, а выражался так, что самый грубый биндюжник при нём переходил на Вы и сморкался в носовой платок. Мы: я в джинсах поверх щиколотки той же артели и цвета, на фоне которого неразличима любая грязь. Туфли, нет, башмаки, купленные по случаю у французского солдата в 1812 году у переправы через Березину. Зато такие удобные, что после 24 часов непрерывной ходьбы ноги не натирали, не говоря уже о каких-то мозолях. Фланелевая рубашка в спокойную ярко-красную клетку, борода из героических фильмов про геологов, патлы почти до плеч и глаза... Вот о них позже. Жена. Тут не рискну описывать, после того как один мой очень близкий друг изложил на бумаге свою первую встречу с ней. Повторить не могу, так как я не восточный человек – таким набором комплиментов и восточной же витиеватостью слога не обладаю. Одета так, нормально, по-советски, с некоторыми заметными, в положительном смысле, отличиями ввиду виртуозного владения швейной машинкой и прочими родственными ей инструментами.

Наш багаж. 23 упаковки разного калибра, в том числе 2 бензиновых мотора к велосипедам, 2 телевизора, 5 сервизов и многое, чего уже за давностью не упомяну. Два золотых кольца с камушками и 200 рублей червонцами (такими красненькими десятирублевками), которые уложены в полиэтиленовый пакет вперемежку с бутербродами в дорогу. Стоит этот пакет на столике. Купе трёхместное. Всё свободное пространство забито нашим барахлом. Багаж друга – лёгкая

спортивная сумка и дипломат среднего размера. Всё. Проводница, забирая билеты при отправлении, окинула взглядом этот склад, сочувственно покачала головой, поцокала языком и молвила: «Ну-ну, не завидую я вам». И ушла, оставив меня с женой в мрачном предчувствии катастрофы. Первая поездка и на тебе. В чёрный список, невыездной, сообщат на работу, лишат допуска... ПААССССААДЯТ!!! Только последним усилием воли удержался, чтобы не метнуть в окно бутербродно-золотой пакет. Брест. Стоим для замены колес. Три часа. Времени для таможни с избытком, чтобы проверить всё и не только проверить, но и изъять со всеми возможными и невозможными последствиями. Со стороны перрона периодически доносятся стенания, плач и мольбы несчастных туристов, попавших под раздачу от бдительной таможни. И вот наше купе и... Мне показалось, что Горгона Медуза – ангельское создание по сравнению с той, которая вошла к нам. Она подняла глаза к верхним полкам и хищно оглядело товар. Судя по улыбке и позе, которую она приняла (не пройдёте, гады!) я понял – конец, чистосердечное признание... Она спросила, указывая пальцем, нет, перстом, на наше изобилие: «Это чье?» Жена и друг замерли. На перроне чесалась муха. Спросила и строго посмотрела на меня. «Наше, с вот ней, женой» ответил я голосом Галилея («И все таки она вертится!»). И сам посмотрел в её глаза тем, как я узнал позднее, честным и открытым взглядом, который мой знаменитый гениальный дядюшка назвал «Бен-

деру и не снилось». Таможенница несколько секунд не отводила глаз, потом как-то смущенно спросила «Ничего запрещенного? В декларации всё верно указано?» «Да», – коротко ответил я, чем, вероятно, завершил лепку в её сознании образцового совтуриста. Слегка прокашлявшись от неожиданной встречи со мной, она обратила взор на сиротливые дипломат и сумочку нашего друга. «А это чьё?» В голосе гроыхнуло. «Моё» – беспечно ответил наш друг, твёрдо уверовав в справедливую несправедливость нашей таможи. «Ах, ваше!» – рыкнула Медуза. «Вас», – обратившись ко мне с женой, «я попрошу выйти из купе». Мы вышли, стали у открытого окна и с трудом закурили, руки так дрожали, что едва хватило коробка спичек, чтоб прикурить. Минут через 15 дверь в купе открылась и таможенница счастливо улыбаясь сказала: «У Вас есть ещё час, чтобы сбегать в сберкассу и положить на счет эти шесть рублей». Друг, поспешно приводя себя в порядок (его шмонали до нижнего белья), коротко и как-то не вполне интеллигентно объяснил: «Из кошелька забыл убрать две трёшки, так она заставляет идти в сберкассу, открыть счёт, положить туда эти деньги принести сберкнижку. Не принесу, с поезда снимет». Друг убежал. Вернулся через полчаса. Чуть позже пришла таможенница. Посмотрела сберкнижку, ещё раз, но уже тёплым взглядом окинула наше купе и мы тронулись.

Друг молча стоял у окна и лишь только, когда мы пересекли границу, отбросив все свою интеллигентность заорал

шёпотом: «Б....., ...мать, ...ня какая! Эти х....., п....., г..... и др. контрабандисты! И им по х....., до п....., а, я, честный совгражданин, ни разу не ездивший зайцем в общественном транспорте!..» Это был первый и единственный раз, когда мы слышали такую проникновенную речь от нашего друга.

Польшу мы проскочили «на ура» и тут поздней ночью пришёл черёд ЧССР. Чешский таможенник. Говорит по-русски. Вежлив. Окинул взглядом багаж и также начал: «Это чье?» «Наше с женой, вот» – ответил я уже заученным тоном и показал почему-то на жену, которая устроилась по традиции на верхней полке. Затем перевёл взгляд на таможенника и уставился в его глаза. Там виднелись танки на Вацловской площади, Дубчек, наши солдаты. «Что вы везёте?» «Да так, подарки друзьям». Он, вероятно, подумал, что друзей у нас полстраны и танки в его глазах стали постепенно исчезать. И тут вдруг с верхней полки раздался чистый и честный голос жены. «Да, и телеви... – начала она, – «...зоры мы решили не брать, чтобы не подрывать экономику братской ЧССР» – продолжил я и показал жене кулак, – так, чтобы это не заметил таможенник. Жена тихо пискнула и нырнула под одеяло, куда я на всякий случай сложил золото, рубли, и один из телевизоров. При первых звуках голоса жены, в глазах таможенника вместо исчезающих танков появились ракеты средней дальности, истребители и тяжёлые бомбардировщики. Я опять посмотрел ему в глаза и высказал-

ся о нерушимой дружбе, Варшавском договоре и мировой революции. Взгляд погас, таможенник зябко повёл плечами и спросил у друга: «А в Вашем дипломате что?»

Друг с готовностью открыл дипломат. В нем 2 десятка грампластинок в подарок. Таможенник просмотрел, пересчитал, присел и выписал таможенную пошлину в размере 600 крон (60 рублей). Друг икнул, заплатил и до самой Праги пролежал, уткнувшись носом в стену и лишь что-то шептал невразумительное. Сердобольные словацкие друзья смачно обматерили таможду и урон другу компенсировали.

На обратном пути перед нами стояла та же задача. Причём она была гораздо сложнее первой. Польские и чешские таможенники сквозь пальцы смотрели на то, что туристы и другие граждане вывозят из их стран. Они справедливо полагали, что мы оставили приличные суммы денег в обмен на их товары, что способствовало развитию экономики. А вот наша таможня зверствовала. При всеобщем дефиците в стране что-нибудь стоящее можно было купить лишь на т.н. толкучках или напрямую у знакомых спекулянтов. Поэтому народ старался провезти товар не столько для себя, сколько на продажу или обмен с теми, кто имел доступ к дефициту. Наша же поездка увенчалась полным успехом. Если по дороге в Чехословакию мы везли указанное выше количество котомок, то на обратном пути их число хоть и сократилось, но всё равно могло вызвать особый интерес у таможни. С нашим другом пути разошлись. Он выехал домой на день раньше и вёз с со-

бой ту же сумку и тот же дипломат. Как мы узнали встретившись в Минске, его почти не шмонали, так как в толпе бе-долаг, он выглядел настолько белой вороной, что его едва ли не пинками препроводили на Родину. Мы же заехали на пару дней в Варшаву, и это едва не стоило нам потери всего нажитого за три недели пребывания в Чехословакии. Дело в том, что взять билеты на прямой поезд до Минска не было никакой возможности. Лето и поезда забиты под завязку. Единственный способ добраться домой был польской электричкой до Бреста и далее уже нашей электричкой до Минска. Опасность для нашего добра заключалась в том, что в Бресте все выходили и должны были подвергнуться таможенному досмотру в здании вокзала. Таможенники никуда не спешили и имели уйму времени, чтобы досконально изучить содержимое наших баулов, сумок и чемоданов. Испуганная жена в туалете натянула на себя зимние сапоги, новенькие джинсы и куртку. Я также постарался облачиться во всё новое, напялив на себя максимум одежды. Мы же переживали не столько за шмотки, сколько за всякие вкусные вещи. Как-то: две палки настоящей венгерской салами, той, которая с добавкой ослиного мяса, большого набора пряностей из пражского магазина «У Сальвадора», а также нескольких бутылок шикарного алкоголя. Про ящик пива и прочее говорить не приходилось. Электричка была набита в основном поляками, которые, как я понял, и были основными поставщиками товаров для спекулянтов. Я приуныл и сказал же-

не, что если попытаются забрать колбасу, я съем, сколько смогу, запив её бутылкой любимой водки «Боровичка» прямо из горла. Жена пообещала поддержать со своей стороны, в смысле со второй палкой и второй бутылкой. По прибытию в Брест огромная толпа, среди которой мы со своими баулами не выглядели особо заметными, влилась в здание таможен и рассредоточилась вдоль длинных прилавков. За ними стояли барышни в форме и трясли всех подряд. Перед нами полька судорожно пыталась объяснить таможеннице, что эти сто семьдесят метров кримплена она везёт на похороны. Зачем столько материала покойнику ни мы, ни, тем более таможня, не понимали. Дело с кримпленом окончилось быстро – его просто конфисковали, а бабку депортировали. Подошла наша очередь.

– Это всё ваше? – строго спросила барышня, перегнувшись через прилавок и пытаясь сосчитать наши клумки.

Жена было открыла рот, но я толкнул её в бок.

– Ммм... – начал я. И дождавшись момента, когда таможня подняла глаза на меня, продолжил, – Да, наше. – И добавил уверенным тоном – Мы из Чехословакии возвращаемся. От друзей.

Таможенница несколько секунд не моргая смотрела в мои глаза, потом слегка покраснела и сказала: «Проходите».

Польки, стоявшие за нами и со злорадством наблюдавшие за процедурой досмотра, только крякнули.

Первый опыт прохождения таможенного досмотра был приобретён случайно. До этого я хоть и слыл среди родственников и друзей отъявленным прохиндеем и пронырой, сам себя таковым не считал. Более того, ни разу не сталкивался с представителями властей. Вернувшись домой из путешествия, я крепко задумался. Долго смотрелся в зеркало, но ничего особенного не разглядел. Жена, на которую мои глаза, если и производили впечатление, то только тогда, когда ей хотелось засветить в один за моё очередное прегрешение. Она также была убеждена, что ничего особенного в моём взгляде нет. Мы ещё несколько раз ездили в Чехословакию и каждый раз картина повторялась.

Потом СССР развалился, и какое-то время от заграницы пришлось отказаться. Но в середине девяностых, когда я перешёл на службу в частную компанию, моё умение оказалось востребованным. Будучи замгендиректора по научной работе и внешним связям мне пришлось мотаться за рубеж чуть ли не каждый месяц, а участие в различных программах испытаний нашего оборудования, конференциях, выставках предполагало провоз с собой различных образцов и, о, почти криминал! – небольших радиоактивных источников. Официальное оформление всего этого было длительным, а иногда и невозможным. Поэтому моей дополнительной обязанностью была контрабанда вышеозначенных предметов. Памятуя историю с нашим другом, я уговорил директора дать мне в напарники Моню Л. Он был физик как и я,

единственный кроме меня в фирме говорил по-английски и этим я объяснял целесообразность участия его в мероприятиях. В действительности, причина заключалась совершенно в другом. Моня Л. и в обычной жизни выглядел как иллюстрация к многовековым страданиям еврейского народа. При контакте с представителями силовых структур, как-то милиции, КГБ, таможни и иже с ними, он терял человеческий облик и начинал походить на закоренелого преступника, решившего на закате жизни покаяться во всех мыслимых и немыслимых грехах. Таким образом, он служил чем-то вроде громоотвода. Как только таможня заходила к нам в купе, меня, предварительно спросив, где мои вещи, выставляли в проход, а Моню шмонали до исподнего. Я же был спокоен. Мой взгляд и Монино выражение лица составили шикарный тандем контрабандистов.

Лишь однажды я был на грани провала. Поздняя осень. Я еду в Польшу. В вагоне СВ я один. Со мной никакой контрабанды за исключением приличной суммы долларов. В то время при провозе валюты её было необходимо задекларировать на службе, и с такой декларацией подписанной также в банке я мог вести почти неограниченную сумму. А тут командировка срочная, не успели, поэтому тысяча долларов в кошельке. Я не волновался, памятуя о своих способностях. Но перед самым приходом таможни, что-то ёкнуло и я решил подстраховаться. Сунул лишние восемьсот под матрац второй полки. Дескать, если что, я не я и лошадь не моя! В сум-

ке один прибор, его можно было провозить без проблем хотя бы потому, что именно такими были снабжены наши таможенные службы. Итак, Брест, смена колёс. Таможенница. Лет сорок – сорок пять. Не страшна, но и не привлекательна. Традиционный вопрос – что везём! Традиционный ответ – ничего. Как я упомянул выше, в вагоне только один пассажир – он же я. Она, присев на полку:

– А что у Вас в сумке?

Я удивился и открыл сумку.

– А что это за прибор?

Я подробно отвечаю, а она, как-бы случайно, перебирает вещички, в рубашке карманчик прощупывает, как-бы невзначай по подкладке прошлась. Я продолжаю врать, она – щупать. Враньё окончилось. Она окинула купе взглядом.

– Ой, какая куртка у Вас симпатичная!

И опять так нежно пальчиками по куртке. Типа гладит, дескать хороша. А сама по карманам шаст! Под курткой брюки висят. Она и по ним пробежалась. К счастью я в тренировочных штанах, поэтому она лишь внимательно осмотрела задний карман. Снаружи. Всё, вроде ничего не осталось. Подошла к двери, остановилась, повернулась и опять купе оглядывает. Тут я напрягся и ей прямо в глаза:

– Что-нибудь ещё показать?

В смысле, не раздеться ли мне до трусов. Она отвела свой взгляд от моих очей и вышла.

Через три дня возвращаюсь. И надо же такому, она опять!

Узнала, зараза.

– Ой, Вы опять! – так радостно восклицает.

– Да, я опять и Вы опять, будто за мной охотитесь!

Она быстренько прошмонала меня и уже собралась выходить. И тут я не удержался:

– А в прошлый раз Вы таки пропустили кое-что! Вот тут, под матрацем.

– Вот, чёрт подери! Ведь чуяла я, что не всё чисто. Уж хотела купе пошмонать, но что меня удержало, не пойму.

– Что-что, да козлу понятно что. Мои честные глаза! – хотел я сказать, но благоразумно промолчал.

Позже мне говорили, что в Бресте есть такая таможенница, чисто лютый зверь! Оказалось, таки я на неё и нарвался!

Прошло много лет. Десятки проездов без билетов в поездах дальнего следования, прорываний на самолет по билетам на рейсы, которые должны выполняться через недели, поселение в гостиницы, где испокон веков не было свободных мест, ночевки у случайных встречных, с обязательными уговорами остаться ещё на пару дней, слезами при расставаниями и многое, многое другое, что свершалась по отношению меня, как человека, чья исключительная честность выглядела неким сверкающим бриллиантом на фоне сплошного жулья. Эти добрые люди даже не подозревали, что за этим ясным взглядом скрывался душа обычного советского прохиндея, которому то ли мама, то ли какие-то высшие силы даро-

вали этот взгляд. Они были уверены во мне и не ошибались, я никогда их не обманывал. Я врал, иначе говоря, искажал истину в целях её более чем художественного отображения. Простите меня, добрые люди! И дежурный начальник смены в аэропорту Толмачево в Новосибирске, у которой я в разгар сезона выцыгнул вне огромной очереди три билета до Ташкента, девочки в аэропорту Свердловска, которых я убедил в чём, сам не помню хорошо, так как врал экспромтом, и они посадили меня с женой и приятелем в самолет до Симферополя. И майор КГБ в Находке, которого я уговорил выдать нам пропуска в погранзону по трём паспортам и фальшивому студенческому билету и другие, другие, другие.

Прошло много лет, но я до сих пор помню взгляд той первой на моём пути таможенницы в Бресте, в котором я и прочитал «Вот, наконец, честный человек встретился!»

Из серии святые собеседования

1. Ангел-хранитель

Посвящается Иванистову

Верю ли я в Бога? Почему-то об этом всегда спрашивают люди, а Он – никогда.

Станислав Ежи Лец

Каждый раз, когда мы с женой собираемся в очередное путешествие, друг Санька провожает нас традиционным напутствием: «Ангела-хранителя вам в дорогу!» Санька по виду чисто уголовник-рецидивист... с душой ангела

и сердцем Матери Терезы. Удивительно, но в студенческие годы, да и много позже, вид у него был почти такой же. В остальном же он был обычным парнем, как и все в нашей небольшой компании. Пил, курил, ухлестывал за девушками – в общем, вёл нормальный образ жизни. Мы вместе ездили в стройотряды, потом на шабашки, ходили в походы и были атеистами до глубины души – в полном соответствии с изучением в университете таких основополагающих дисциплин, как диамат, истмат, политэкономия социализма и капитализма, а также научный коммунизм.

О неожиданном обращении Саньки к религии я узнал случайно, когда мы ехали по городу. Санька за рулём, я пассажиром. Дорога шла мимо нескольких храмов и, проезжая мимо каждого, Санька крестился. Первый раз я, кажется, даже не заметил, второй – удивился, а после третьего раза хихикнул. Санька посмотрел на меня и лишь осуждающе покачал головой – дескать, не шути. Я заткнулся в изумлении. Дома рассказал жене – та просто не поверила. «Да он тебя разыгрывал!» – заявила безапелляционно. Как известно, жена у меня очень умная и я ей доверяю безоговорочно, но тут засомневался. Больно уж не было похоже это на Саньку. Немного косноязычный, он всегда был немногословен и даже на совместных пьянках по различным поводам с тостами не выступал, а поручал делать это мне от его имени. И шутки у него были прямыми и перпендикулярными, т.е. простыми и незамысловатыми. В общем, я был заин-

тригован и решил проверить. В лоб спрашивать постеснялся и зашёл со стороны жены. Благо, наши дачи были рядом и в непринуждённой обстановке прополки, когда все окружающие задницы смотрят на солнце, я как бы между делом поинтересовался у его жены, почему среди окружающих задниц не видно Сашкиной.

– Да сегодня он храм закладывает! – ответила Люда.

– В смысле, пьёт? – среагировал я, подумав, что закладывать храм это аналог закладывания за воротник.

– Да ты что, какое пьёт, сегодня ещё пост. Храм он строит. Ну, не сам, конечно, но участвует.

– ???

– А ты, что не знал? Он уже год, как к Богу обратился.

Я замолк, не зная, что и думать. Конечно, многие из моих знакомых и не просто знакомых, но достаточно близких приятелей, обратились к церкви в начале девяностых. Развал страны, полный бардак, безработица, резкое падение уровня жизни, семейные неурядицы и прочие сопутствующие развалу события. Наконец, главное – потеря уверенности в завтрашнем дне и ощущение полной незащищённости. Не все смогли выстоять, у многих опустились руки и поникли крылья. Попы это почуяли первыми, и церковь тут же подставила плечо всем таким бедолагам. Санька же под эти категории ни коим разом не попадал. Во-первых, успешный бизнесмен. Причём ушёл он в бизнес ещё до августа девяносто первого года, как только безумный Горбачёв дал отмашку

кооперативному движению. Во-вторых, счастливый семьянин – две очаровательные дочки, в которых он души не чаял и постоянно баловал. В-третьих, на здоровье вроде бы не жаловался – крепок был всегда и очень силён физически. Так что причин сменить мировоззрение не было. Видимых причин...

Я доложил жене полученные разведданные, и она лишь пожала плечами, дескать, крыша едет у всех нас и Санька не исключение. Я засомневался в диагнозе и решил-таки поговорить напрямую. Выбрал удобный момент – промежуток между постами, затащил Саньку на дачу и после первой бутылки водки спросил:

– Ты, чё, идеи атеизма предал?

– Да, – коротко ответил друг.

– И?

– Ничего. Как и когда я поверил, говорить не стану. Это неважно. Важно то, что я верю.

– Ё-моё, ты же физик, ты, что – забыл?

– Причём здесь физика? Ты же сам не раз говорил, наличие Бога не противоречит законам природы.

– Да, – слегка сконфузился я, – но наличие Бога – это одно, а все эти ритуальные «танцы» – совсем другое. Я, хотя атеистом был, есть и буду, найти доказательства тому, что Бога нет, не могу и, главное – не хочу. Есть – есть, нет – нету. И точка.

– Да какой ты атеист? Врёшь сам себе. Вот кто такой ан-

гел-хранитель ты знаешь?

– Ну, в общих чертах. И что?

– Так он у тебя есть! Помогает, охраняет, невзирая на твой показной атеизм.

– Ну, во-первых, не показной. Я действительно придерживаюсь материалистического мировоззрения. Во-вторых, с чего это ты взял про ангела-хранителя? Так, для красного словца?

– Да нет, ты сам оглянись, вспомни, что с тобой происходило, может и сам поймёшь.

Мы допили всё, что было в доме. К вопросу веры больше не возвращались, решили, что мне дозволяется шутить на эти темы в разумных пределах и не на людях.

После этой встречи прошло несколько недель, я совсем забыл о нашей дискуссии. Близился Новый год. По нашей семейной традиции мы уже много лет встречаем его на даче. Тридцатого декабря с утра готовим: жена – традиционные салат оливье, селёдку под шубой, я – мой фирменный торт – 2 шт. Один – съедает жена. Полностью, одна. Второй – делим по-братски. Причём, делю я – себе меньшую часть... Вечером – баня и лёгкая тренировка перед встречей Нового года – джин с тоником, немного салатов, бутербродик с красной икрой... Скромненько. Тридцать первого весь день лежимся. Встаём поздно, долго и вкусно завтракаем. Ещё дольше пьём кофе с тортиком... Гуляем, обедаем. Как правило,

суточными кислыми щаами на крутом мясном бульоне с сушеными белыми грибами. Легко дремлем до самого вечера, до выступления Президента. Неважно которого, важно, что тут же шампанское, красная икорка и несколько деликатесов, вывезенных из последней поездки в Париж... Потом с часик тарашимся на новогоднюю муть в экране телевизора, ну и – в койку.

В тот год к нашей компании присоединились друзья. Они же – соседи по даче. Приехали гурьбой тридцатого, пили и гудели почти всю ночь и утром собрались разъехаться по домам. Праздник-то семейный. Накануне вечером мы, ссылаясь на баню, благополучно избежали ночного бдения. Но утром пришлось на скорую выпить чашку кофе и заскочить к соседу Олегу, где в его «каминном» зале проходили все наши оргии. Отбиться не получилось и пришлось принять на грудь. Закусывать тем, что было на столе, не стал – Олег славился нетривиальной кулинарией и многие из нас испытали её на своих желудках. Смертельных случаев пока ещё не было, скорую тоже не вызывали. Пока не вызывали...

Друзья уехали и я с трудом сохраняя равновесие вернулся домой. Уселся за стол и приступил, собственно говоря, к завтраку. Жена ждала с наполненными рюмками. Я опрокинул свою, потянулся за солёным огурчиком.. И тут, о боже – Ванька-то некормленный! Ванька – полноценный член семьи, огромный чёрный котяра выл нечеловеческим голосом под окном. Я вскочил, схватил его пайку и ринулся к лестни-

це. И в этот момент нога скользнула на пятнышке льда – жена пролила чуть-чуть, когда несла ведро с водой. Я кубарем загремел по ступенькам и в конце полёта со всей силой ударился спиной о предпоследнюю. Кажется, отключился на мгновение. Жена, услышав грохот, вылетела на террасу. Ванька заорал в унисон жене. «Да, – была первая мысль, – пусть поломаются все рёбра – лишь бы не позвоночник!» Дышалось с трудом, каждый вздох отдавался резкой болью. Жена с трудом и с помощью Ваньки, который сочувственно путался под ногами, втащила меня в комнату и усадила в кресло.

– Скорую вызывать? – испуганно спросила она.

Я покрутил головой, повернулся торсом влево-вправо – кажется, всё цело. С трудом стянул одежду. Спина – сплошной синяк и вся в ссадинах – не надо никакой скорой. Я весь оставшийся день, вечер, ночь, а также все дни до Рождества просидел почти всё время в кресле. Жена кормила с ложечки, даже бокал шампанского держать сам я не мог...

Позже врач-травматолог осмотрел меня, сделал рентгеновский снимок – всё цело, даже ни одной трещины в рёбрах. Только огромные синяки. Когда же я описал врачу своё падение, он покачал головой:

– Ну, благодарите своего ангела-хранителя, успел он таки подставить руки!

Меня как током стукнуло. Опять ангел-хранитель! Я вернулся домой, залёг на диване – спина ещё побаливала – и задумался.

Моё первое путешествие в Сибирь. То самое, в котором я нашёл наш Рай и в котором мы долгие годы проводили летний отпуск. Сначала вдвоём с женой, а позже и втроём – с сыном. Лечу на АН-2 в столицу автономии. Перед этим я почти две недели блуждал по тайге и с трудом выбрался к людям. В самолете несколько местных и парень на вид моложе меня на пару-тройку лет. Разговорились. Коля, так его звали, был студентом и проходил в горах практику в составе геологической партии. В столице автономии он жил в общежитии. У меня был билет на самолёт домой, но вылет только через четыре дня. Что делать всё это время, не знал. Думал устроиться в гостинице. Но Николай предложил остановиться в его комнате – сосед уехал на выходные и обещал вернуться лишь через неделю. Отлично. Утром, когда я размышлял, как убить три дня в этом захолустье, Коля неожиданно предложил поехать на рыбалку. По его словам, каких-то полтора часа по трассе до небольшого посёлка. Там друзья ждут. На тракторе с прицепом надо было добираться ещё восемьдесят километров до реки.

– Поставим палатки и славно проведем пару-тройку дней. Место изумительное, хариус берёт на голый крючок, – уговаривал меня Николай.

«Отличная идея», – подумал я. Захватив только спальные мешки, мы двинули на автовокзал. Через пару часов уже подходили к дому Колиного приятеля. Нас встретила его мать,

которая сообщила пренеприятнейшую новость. Сын с отцом не дождались Николая и, прихватив ещё двух пацанов, рано утром уехали. Что делать? Домой не хотелось, и Коля предложил добираться самостоятельно.

– Выйдем на дорогу, там ходят лесовозы. Проедем около семидесяти километров, а там до места стоянки пять-шесть километров дойдём пешком, – предложил Николай.

А мне что, какая разница, где время до отлёта убивать. Мы вышли на дорогу. Дорогой её можно было назвать с трудом – так, колея наезженная. Не дожидаясь попутки, зашагали по ней. Погода отличная. Начало сентября, настоящее бабье лето. Тепло и солнечно. Первым нас догнал... гусеничный трактор. Мы проголосовали. Скорость около пятнадцати километров в час, грохот невыносимый. Но лучше плохо ехать, чем хорошо пылить пешком. Через пару часов трактор свернул в сторону, мы вышли и тут на горизонте появился желанный лесовоз. Ура! Ещё час-полтора и мы в стане лесорубов. Навес, длинный стол и две скамьи под ним. Рядом обычный вагончик. К нему пристроенный небольшой навес, под ним кухня и повариха.

Лесовоз пошёл дальше за грузом, мы же остались. Нам как раз от этого стана до нашего места на берегу речки осталось пройти около шести километров. Время послеобеденное, есть хочется. Лесорубы уже давно отобедали, и повариха предложила нам лишь хлеб с маслом, дивные алтайские помидоры и арбуз в качестве десерта. Просто и очень вкус-

но. Скучность предложенной пищи повараха объяснила тем, что сегодня пятница и работы на лесосеке сворачиваются. Сейчас за ней заедет автобусик, она соберёт свои вещички и – прощай стан до весны.

– А, что, другие машины кроме лесовозов здесь не ходят? – на всякий случай поинтересовался я.

– Никакие другие тут не ходят. Вот лесовоз, на котором вы приехали, заберет последние кубы и всё.

– Да нам-то, что. В воскресенье поедem в прицепе трактора. За пару часов доберёмся, – успокоил меня Коля.

Мы перекусили и быстрым шагом двинулись к реке. Действительно, прошагали чуть больше часа и вышли к чудесному месту. Левый берег реки представлял собой гряду невысоких холмов, покрытых светлым сосновым лесом. Никакого подлеска, только зелёная трава, ну, почти Шишкин! Справа – болото до горизонта. На вершине ближайшего холма был виден лёгкий дымок, там же пара палаток. Мы поднялись к стойбищу. Никого. Костёр догорал. Не успели мы осмотреться, как послышались голоса и к нам подошли трое пацанов на вид лет шестнадцати-семнадцати. Приветливо поздоровались. Коля представил меня и спросил старшего, где отец с трактором. Старший, Степан, как выяснилось, восемнадцатилетний Колин приятель, сказал, что отцу подвернулась халтура и он приедет завтра к вечеру. А они наловили почти ведро хариуса. Отлично! Мы быстро поставили палатку, бросили вещи и занялись костром. Ребята часть ры-

бы почистили на уху, часть приготовили, как они говорили, «зашашлычить». Стемнело, уха была почти готова. У меня с собой была фляжка со спиртом, правда сильно облегчённая за время моих мытарств по тайге. Но на пару-тройку рюмок хватало вполне. Мы выпили с Колей и Степаном, закусили ухой. Что может быть прекрасней настоящей ухи с дымком, приготовленной из дивной рыбы! Только хариус, запечённый на углях! Описать его вкус невозможно. В своей жизни я попробовал множество самых разных речных и морских деликатесов, приготовленных на гриле, запечённых в печи и на сковороде, сваренных, засоленных, копчёных холодным и горячим способом, замаринованных в, бог знает, каких маринадах... Никакого сравнения со вкусом только что выловленного хариуса – сначала слегка обжаренного на открытом огне, чтобы чешуя закорела и не давала соку вытечь, потом доведённого до готовности над углями. И как только рыба провернулась на шампуре, её быстро сняли, положили на дощечку, развернули шкурку и... чайной ложечкой, только чайной ложечкой, берём кусочек хариуса и – в рот, не жуя, просто держим языком и мясо тает и мы глотаем это тающее чудо. Больше не надо ничего – ни хлеба, ни водки, ничего такого, что может даже чуть-чуть исказить этот неповторимый вкус...

Следующий день пацаны рыбачили. Я тоже половил с утра пару часов, а потом двинулся вверх по течению реки. Холмы

постепенно становились всё выше, справа до горизонта простиралась классическое болото, заросшее чахлыми деревцами. Речка, как и все горно-таёжные, была шириной около двадцати метров, быстрая и совсем неглубокая – так, по пояс. Местами на перекатах совсем мелкая, местами под высоким берегом были видны глубокие ямы, а в небольших заливчиках медленно крутилась вода в омутах. То тут, то там было видно, как жирует хариус, речка была рыбная! Я поднялся на вершину одного из холмов, которая была в отличие от других, безлесной. С неё открывался потрясающий вид на близкие горы. Начало осени, и многие вершины серебрились первым снегом. Я уселся на ствол упавшей лиственницы и закурил. Не хотелось ничего делать, никуда идти, хотелось просто сидеть и наслаждаться видом, покоем и тишиной... Так я просидел довольно долго, пока бурчание в животе не напомнило мне об обеденном часе. Я вернулся к палаткам. Пацаны уже вернулись с рыбалки. Обед был готов – та же уха и тот же хариус на углях. Обедали мы долго, потом болтали, потом пацаны пошли опять к реке, а я остался у костра, просто лежал и смотрел на огонь. Никаких мыслей, только невероятное блаженство. Казалось, время остановилось...

Стемнело. Вдалеке послышался звук трактора. Светя фарами, «Белорусь» подъехал к подножию холма, остановился. Я поднялся, решил подойти к водителю, но тут трактор взревел и по довольно крутому склону взлетел прямо к нашим

палаткам.

– Ох, зря он так, – подумал я, – лучше бы оставил его внизу. Спускаться же придётся.

Через несколько минут подошёл отец Степана. Было видно, что он явно навеселе. Меня представили. Василий, так звали тракториста, вытащил из мешка, который нёс с собой, пару бутылок водки, круг колбасы, хлеб, несколько луковиц. С обеда оставалась уха – и её, и колбасу под водку мы уговорили «на ура». Василий быстро осоловел и ушёл спать. Мы ещё посидели у костра. Для меня это была последняя ночь в тайге. Я ещё не знал, что моё первое путешествие в эти края будет далеко не последним и долгие два десятилетия мы вдвоём с женой и позже уже и втроём с сыном почти каждое лето будем возвращаться сюда. И если бы не развал СССР, то, вероятно, продолжали бы приезжать до тех пор, пока держали ноги... Утро было ясное и прохладное. Выпала обильная роса.

– Как же Василий будет съезжать вниз, – задумался я. Склон холма был крутой и удивительно, что трактор вообще смог забраться по нему на вершину.

Позавтракали на скорую руку, собрали палатки, сложили рюкзаки и забросили всё это в прицеп трактора. Василий запустил двигатель и предложил всем занять места рядом с вещами. Ребята тут же полезли в кузов, я, было, двинулся за ними и тут... И тут вдруг что-то толкнуло меня в бок.

– Эй, крикнул я Николаю, – пройдушь пешком, что и вам

советую. Пусть Василий сначала съедет сам, а мы потом подсядем.

Николай заколебался, но всё-таки выпрыгнул из прицепа. Пацаны переглянулись и последовали за ним. Василий заржал, дескать, трусы, развернулся и поехал. Первые метров сорок-пятьдесят всё шло нормально, но тут вдруг двигатель взревел, из глушителя вылетели клубы чёрного дыма и трактор понесся вниз с всё нарастающей скоростью.

– Прыгай!!! – заорал я Василию.

Но то ли он не услышал, то ли не успел, а трактор внезапно подпрыгнул, упал на бок, начав кувыркаться вместе с прицепом. Долетев до конца спуска, трактор сделал ещё пару кувырков и встал на четыре колеса. Прицеп взлетел над ним и всем своим весом рухнул на смятую крышу. Пацаны застыли. В тишине был слышен лишь звук вращающихся колёс прицепа. В голове пронеслось: Василию полный п...ц. Сегодня воскресенье. Машин нет. Восемьдесят километров до посёлка. Что делать с трупом и пацанами, как мне выбраться и успеть на самолёт. Следующий рейс через почти неделю, на перекладных – через три дня... Подошёл к трактору. Вдруг послышался стон. Я подскочил к кабине. Фантастика! Похоже, что при первом же кувырке кабина смялась, но один из углов остался почти не тронутым, и именно в этом углу виднелась голова Василия. Я позвал ребят, и мы осторожно вытащили тракториста, подстелили ватники и уложили на них стонущего Василия. Вид был ужасный –

на голове лоскутами свисали куски кожи, лицо залито кровью. Я осторожно расстегнул рубашку, попытался осмотреть раненого. Видимых повреждений типа открытых переломов не было, но Василий был без сознания и только стонал. Что делать? Никаких мыслей. Если даже я сейчас налегке рвану к посёлку, то в самом оптимистичном варианте мне понадобится не менее двух дней. Да и то сомнительно, сорок километров в день – многовато, а уж два дня подряд... Надеяться на неожиданную попутку смысла не было. Накануне нас об этом предупредили.

– Так, обратился я к Николаю, – я не врач и ничего сказать не могу. Выхода у нас нет. Думаю, что нам с тобой надо двинуть пешком к посёлку, но сначала надо поставить палатки, развести костёр, вскипятить воду...

И тут мне вдруг почудился звук мотора. Причём со стороны речки! Причём выше по течению! Что за ерунда! По такой речке никакая моторка не пройдёт и сотню метров. Но звук нарастал. И тут, как в фантастическом фильме, из-за поворота показался... огромный грузовик – трёхосный «Урал». Не веря своим глазам, я побежал навстречу, размахивая руками: «Стой!!!». «Урал» выбрался на берег и остановился. Из кабины вышли водитель и две женщины. В кузове видны были ещё одна женщина помоложе и пара мужчин.

– Что случилось? – обратилась одна из женщин, что постарше.

Я вкратце рассказал и сам спросил, какими судьбами они

тут. Оказалось, что вчера они компанией поехали по ягоды, а сегодня решили сократить путь. «Уралу» что по дороге, что по речке... Не веря такому счастью мы погрузили Василия в кузов. Он пришёл в себя и попросил сына слить воду из радиатора – могли быть заморозки. Автомобиль тронулся, но тут Василий заорал от боли. Пришлось снизить скорость и мы, словно черепахи, поползли домой. Николай наклонился ко мне и шёпотом сказал, что с такой скоростью мы не доберёмся до посёлка к двум часам, когда уходит последний автобус. Завтра же первый будет только с одиннадцать. Мой самолёт в это время должен уже взлетать. Наконец мы выехали на трассу у давешнего стана лесорубов. Я наклонился к водителю и попросил ускориться. Но стоило ему прибавить газу, как Василий взвыл опять, и скорость пришлось снизить. Делать нечего, пригорюнился я и стал обдумывать варианты. Может автобусом через горы в столицу соседней автономии? Во-первых, там начинается железная дорога. Правда, до Москвы почти четверо суток, потом ещё сутки до дома. Во-вторых... Но тут мои размышления прервал крик Николая:

– Скорая навстречу! Не может быть!

И точно, навстречу шёл «Рафик» – скорая. Мы остановились. Я выскочил из кузова и подошёл к врачам. Одна из них после моего объяснения поднялась в кузов, быстро осмотрела Василия, покачала головой.

– Внешних повреждений не вижу, а по внутренним,

не скажу без обследования в больнице. Мы по вызову к зимовью. Тут в шести-семи километрах. Нам передали по радиации, что медведь человек помял. Мы быстро. Через час-полтора вас нагоним и заберём раненого.

Час-полтора – это вполне годится. По расчётам Николая, прибудем на автостанцию в начале второго. Так что запас хоть и небольшой, но есть. И тут произошло следующее чудо. Не прошло и полчаса, как скорая нас нагнала. Оказалось, что никакого медведя не было и в помине. Два охотника по пьяному делу подрались. Один другого приложил крепко и испугался. Вызвал скорую, приплёл медведя, чтоб, значит, быстрее. Пока скорая ехала, травмированный очухался и они продолжили бухать, что и увидели врачи. Тут же развернулись и в обратный путь. Забрали нашего раненого и мы на скорости, которую позволяла дорога, примчались в посёлок. Успели на предпоследний автобус. В столице автономии заскочили в магазин, купили водки, мяса, банку томатного сока и отпраздновали чудесное спасение. Утром я благополучно улетел. Перед отлётом оставил адрес Николаю и просил сообщить, что с Василием. Не сообщил.

В моей жизни этот случай был первым. Хотя, наверняка, были кое-какие подобные мелкие события, которые в памяти не задержались. Зато потом что только не случалась! Я описывал «случайную» встречу на лестнице по дороге в сортир с Академиком, которая перевернула мою жизнь, «слу-

чайно» треснувшие иллюминаторы в самолетах, что привело к задержке рейсов, и я успевал на них, и многое другое, такое же «случайное». Делать нечего, как физик иного объяснения как наличие этого самого ангела-хранителя, я не мог найти, и пришлось согласиться с другом Санькой. И хотя это моих атеистических воззрений не поколебало, вопросы, откуда ангел взялся, почему он у меня появился, я не задавал. Есть и есть, что тут думать. Представляю же я его в виде плотненького румяного мужичка, любителя сладко выпить и вкусно закусить, подремать после этого, в меру деятельного, и чуть-чуть не в меру ленивого. Иногда он вмешивается вовремя, и я обхожусь без последствий. Иногда успевает в последний момент, и я отделяюсь лёгкими повреждениями. Теперь каждый раз, когда сажусь за руль, застёгиваю ремни безопасности в самолёте, отправляюсь в поездку на поезде и в самых разных других случаях, я произношу слова, которым научила меня моя умная жена:

Ангел мой! Иди со мной.

Ты впереди, а я за тобой.

2. Основы мироздания

Жан Эффель. Сотворение мира.

Вы атеист?

Да!

И на что Вы рассчитываете?

На что, на что...

На милость Божию, Святой Пётр!

Понедельник

– Здравствуйте, дети! Садитесь. Сегодня мы, наконец, рассмотрим ваши домашние задания. Сразу же отмечу, что справились все. Точнее почти. Выделю лучших, как обычно. Мария... садись, садись. Ты как всегда на высоте. Пятёрка по биологии вне всяких сомнений. Даже с плюсом за оригинальность. Георгий, я не сомневался ни на миг, когда предлагал тебе геологию. Блестяще. Вы с Аркадием оба заслуживаете пять баллов заодно и по географии. Есть, конечно, некоторые сомнения. Но с учетом будущего, я думаю, всё станет на свои места. Короче, всем остальным скажу – молодцы, не подвели ни самих себя, ни меня, ни весь наш учительский коллектив. И даже там, да там, нами довольны. Но... Как всегда бывает, но и это но, опять же, как всегда связано с Изей. Изя, выйди к доске. Итак. С одной стороны, ты с заданием, бесспорно, справился и справился блестяще. Но, опять же это проклятое «но». Где же развитие? Что дальше? Никакой эволюции, всё стоит, что же будем делать? Я спрашиваю, почему молчишь?

– Ну почему же нет развития? Есть. Вон сколько их разных...

– Каких разных? Если они плавают, летают, бегают, то это и есть развитие? Почему, я спрашиваю, и на двух ногах, и лапы почти что готовые руки, и голова нормальная, а до сих

пор ни один из них даже палку в руки не взял, не говоря уж камень обработал или, о несбыточная мечта, огонь добыл. Ха, огонь добывать! Да они от огня как от огня, простите за тавтологию, дёру дают. Почему при всём многообразии динозавров ни один из них даже не пытается очеловечиваться? Спит, трахается, жрёт да, простите меня, срёт. А где прогресс? А ведь вначале всё правильно. Ты создал травоядных. Мария тебе такую флору сделала – ешь не хочу. Вон даже эта махина, как его ты там обозвал, бронтозавр, так и ему пищи хватает за глаза. И хищники под стать. Правильно, перешёл к двуногим, но почему тираннозавр? С одной стороны, у него мозгов – на стадо бы хватило, и лапы, что твои руки... Так он вместо того, чтобы строить, созидать, творить, только о жратве и траханье думает. Сколько уж лет прошло, а воз и ныне там. Такими темпами мы до homo sapiens не дойдём. Короче, на педсовете принято решение. Домашнее задание тебе зачесть. И даже на пять, но условно. Два дня тебе дается, чтобы снести всю эту динозавровую жуть с лица Земли. Всю. Два дня и не больше.

– Учитель! За два дня не справлюсь. Потом, может все-таки морских оставить. У них-то есть шанс на сушу выползти и начать процесс. Мы вон с Семеном и Машей говорили перед началом занятий. Они говорят, что шанс есть. Но, дайте хоть три дня...

– Три дня... Ну, ладно. Кое-что из морских можно оставить. Целаканта, к примеру. Это чтоб люди потом голову

ломали, когда выловят. Или там ещё кого-нибудь, сами решайте. А теперь, достали тетради, поделитесь на группы и до конца занятий запишите план по фауне, флоре, ну и по всему там живому, что будет после того, как Изя Землю почистит. Думается мне, что там мало чего останется. Итак – Мария. Ты как обычно берёшь на себя всю фауну, Георгий с Аркадием. Подправьте все континенты, разберитесь с горами, реками, озерами и прочей географией. Ну и ископаемыми, надо же этому будущему homo sapiens чем-то заниматься. Остальные по животному миру сами решите кому насекомые, кому рыбы, кому млекопитающие. Ну, и главное. Чтобы вся цепочка была, чтобы сомнений ни у кого не появилось. Пусть не сразу какой-нибудь Эйнштейн, но палка в руках, а лучше топор, пусть даже каменный на первых порах.

Пятница

– Итак, дети, вот мы опять с вами. Скоро выпускной, и наши дорожки разойдутся. Надеюсь, что аттестат получат все. А сегодня мы разберём результаты вашей совместной работы. Как известно, именно они войдут в аттестат, и от их оценки в значительной степени зависит общая отметка. Начну с главного. Всё хорошо. Есть совершенно потрясающие идеи, есть отличные результаты. Семен. Я просто поражен. Додуматься до цепочки бабочка-гусеница! Это фантастика! Вообще, всё, что касается насекомых, потрясло всех. Ну и бактерии, вирусы и прочая нечисть – Павел, отлично. Вот только насчет глистов не понимаю. Они-то зачем? Ха, может на них окунь берёт хорошо? Ладно, шучу. Нет ничего лишнего, глисты, так глисты. Мария, ты молодец. Аркадий. Золото ты зачем так рассеял? Людишки изведутся, добывая. А железо – правильно. Особенно эта гора, как её. Магнитка? Отлично. Теперь о животном мире, рыбах и прочих. Замечаний нет. Изя правильно оставил кое-что в океане. Это кое-что действительно выползло и включилось в цепочку. Только Изя, ну ты как-то перебрал. Стёр не только динозавров, а вообще живого места не оставил. Хорошо, что эта комета океан особо не затронула. А то пришлось бы начинать всё заново. В будущем аккуратней надо быть, дети. Что? Они сами атомную бомбу изобретут? Ну, это уж не на-

ше дело. Теперь подойдём к замечаниям. Неужели, Изя, тебе не понятно, что неандерталец это тупиковая ветка. А ты Пётр, куда смотрел? Увлёкся своими обезьянами и что? Вон сколько разных, но ни одна не превратится в человека, даже шимпанзе. И ты и Изя это прекрасно знаете. Так что время есть. Бросьте обезьян вместе с тупиковой ветвью, давайте промежуточное звено, а то прямо к кроманьонцу переходите. Иначе в график не уложимся. Всё ясно? Тогда вперед.

Понедельник. Две недели спустя

– Подсудимый, встаньте. Суд идет. Садитесь. На прошлом заседании мы выслушали обвинителя, теперь переходим к опросу собственно Вас, Изя. Можете отвечать сидя.

Итак. Вы знаете, что после завершения учебы и получения аттестата любые контакты с нашей стороны с Землей категорически запрещены?

– Да, Ваша честь. Знаю.

– Почему Вы нарушили запрет и отправились туда?

– Ваша честь! Процесс там пошёл не по плану, и у меня появилось опасение о том, что homo sapiens изведут друг друга...

– Ну и что? Изведут, так изведут. Вон в школе набор в первый класс. Детишки подрастут, и им можно будет поручить задание начать в другом месте. А Землю долбанем очередным Большим взрывом.

– Так жалко же трудов и все говорили, что так удачно получилось...

– Хорошо. Предположим. А почему Вы не ограничились обучением учеников? Научили бы их чему-нибудь хорошему, и назад. Отделались бы взысканием, или даже просто предупреждением на первый раз. Ведь Вы же собирались поступать в Академию?

– Да, Ваша честь. Я таки собирался. Но ученики попада-

лись все бестолковые. Ходили за мной, записывали полную чушь. Я им про одно, а они... Чудо, видите ли, покажи. Ну, я показал, так по мелочи. Так ещё хуже стало.

– Ничего себе мелочи. То по воде пешком, то воскресили одного... На что Вы рассчитывали?

– Ошибся. Простите, Ваша честь.

– Ладно. Но распяли Вас. Кстати, правильно сделали. Так зачем этот весь цирк с демонстративным воскресеньем устраивать. А потом преображение и уж совсем кошмар – вознесенье. А что, просто в гробу с недельку полежать, слабо было? Мы бы потом Вас тихонько вынули и сюда, а вместо муляж подсунули, ну, типа мощи нетленные. А что теперь, Вы видели?

– Да, Ваша честь. Ужасно. Я и думать не мог, что вот так кончится. Ладно, мои победили, так с чего это какие-то мусульмане вылезли. А там как пошло, как поехало, просто жуть. Виноват я, раскаиваюсь и прошу о снисхождении. Готов искупить, делайте что хотите, но не отправляйте в лагерь к Чёрту.

– А надо было бы. Чёрт хоть и преподает у нас по совместительству только физкультуру, но из Вас бы точно всю дурь выбил. Да хорошо, чтоб как Ваши последователи и представляли, котлы с кипящей серой, с... ну, в общем, сами знаете. Жаль, что этого нет. Пока. Так что делать, второе пришествие Вам организовывать? Не знаю, не знаю. Сейчас, если Вас туда отправить исправлять всё, могут не понять. Шарах-

нут атомной или даже водородной. Спасти не успеем. Но, тем не менее, что же Вами двигало? Корысть, жалость, не дай... ну в смысле не приведи...

– Корысть, Ваша честь, чистая корысть.

– Ну, это ещё, куда ни шло. Ладно, на первый раз под домашний арест, лет на триста. Не пугайтесь, это по земному времени. Авось там за этот срок что-нибудь да произойдет. Короче говоря, до понедельника дома посидите, а там посмотрим.

– Ну-ну. Прицепились. Ладно, посижу дома, хотя жаль, такие планы были на выходные. Как бы они мне с Академией не нагадили. Тоже мне, начальнички. Сидят себе вдалеке, зажрались, жизни не знают. Но я тоже не дурачок, я им устрою. Путина подогнал, а щас ещё и Трампа! Пусть повернутся!

3. Попал! (Пасхальная сказка)

Вы атеист?

Да! Даже больше – безбожник.

*Тогда Вам направо, – сказал Св. Пётр,
широко распахивая дверь в Рай.*

Сон атеиста

— Ух ты, ну и очередь!

– А Вы откуда?

– Питерский я

– А какого года?

– Рождения, что ли? Сорок третьего я.

– Тогда смотрите, вон там, впереди на табло – Питер, 43.

Вам туда.

– *Спасибо. Вы последняя будете?*

– Да.

– *Я за Вами.*

– Да какое это значение-то имеет. Стойте.

– *Ох, за мной же трое, Ни фигу себе скорость.*

Голос по радиотрансляции:

Семенов Сергей Петрович, 4 апреля 1943 года рождения, из Санкт-Петербурга, пройдите к столу номер 1423.

– *Это, кажется, мне! Что это значит?*

– Ну, господин, не могу сказать, может хорошо, а может жуть!

– *Делать нечего, пошёл я. Где же этот стол? А вот, и никого. Чтоб это значило. Здравствуйте, я Семенов Сергей Петрович, что из Питера.*

– Здравствуйте. Присаживайтесь. Так, начнем. Убивали? Крали? Что вообще плохого делали? Отвечайте честно, мы проверим.

– *Нет, что Вы! Не убивал я никого. Насчет, крал ли? Ну, были грешки, чёрт, ой простите, были. Гусей крал в колхозе в стройотряде. Кормили плохо, так и крал с друзьями. Как-то на спор круг колбасы спёр из магазина самообслуживания. В заграничной поездке украл книгу. Уж больно он мне понравился – Сальвадор Дали. Знаете?*

– Знаю, продолжайте.

– *Так не вспомню, наверное, по мелочёвке. Но у людей*

не крал, только у государства в смысле зайцем ездил, студенческий билет подделывал – срок действия продлевал, чтоб льготные билеты покупать...

– Хорошо. Жене изменяли?

– Да нет, что Вы! Ну, пару раз по пьянке в командировке трахнул коллегу, да один раз проститутка в номер вломилась. А так ни-ни. Это же, что, измена? Я люблю её. Сильно.

– Обжирались?

– Да. Тут, по правде сказать, не воздержен был. Любим мы с женой вкусно покушать. Так и знал, что это меня сгубит!

– Хорошо. Посидите, я по компьютеру посмотрю, нет ли чего на Вас еще плохого. Да, есть. Много, но так по мелочам. Хотя, как посмотреть. Иных за это знаете куда!

– Ох, теперь знаю

– Ладно. Вот Вам пропуск. Видите там впереди табло. Санкт-Петербург-Петроград-Ленинград. Вам туда.

– Стойте, так там же сверху надпись! РАЙ!!! Так как же мне, что туда?! Я же по вашему-то грешен и в церковь ни ногой, и атеист я, разве таким там место? За что?

– Помните 28 апреля 2016 в 11—27 Вы шли по улице в хозмаг. А там, на газоне мужчина лежал? Помните?

– Может. Не уверен. А что?

– Так Вы мимо не прошли и вызвали милицию. Теперь вспоминаете?

– А, ну да. Так, что за это?!!

– Да. И ещё. Вы имеете право ходатайствовать за кого-нибудь из близких. Сейчас скажу, за кого. Так, сын. Нет еще рано, дочь – тоже. Внуки – тем более. Ага, в принципе за жену. Она на грани, то ли за Вами, то ли вон туда по коридору. Видите?

– Ой, ад!!!! Не надо. Я её люблю и буду.

– Вы уверены? Это же навсегда.

– Да? Навсегда... А можно подумать?

– Да. Идите вон туда налево. Там в зале народ увидите. Найдите свободное место и думайте сколь угодно времени. Есть захотите – там стол шведский. Покажете пропуск и берите, что душе Вашей бессмертной угодно.

– А что они все там делают?

– Думают.

– А можно вопрос?

– Да сколь угодно.

– Почему Рай для Питера только?

– Ну, это просто. Там Питер такой, о каком Вы мечтали. Красивый, чистый. Получите квартиру на набережной Мойки. Какую Вам, двух, трехкомнатную? Мебель закажите, что по вкусу. Работать устройтесь туда, куда мечтали. Чем не Рай? А чтоб народ не толпился, мы и разделили его на зоны. Которые не пересекаются. И за граница там такая, о которой Вы мечтали. Живите, а лет так через сто пройдете переемтестацию. Если все нормально, так продлим. Автомати-

чески. Извещение получите по почте.

– *А ещё пару вопросов. А ад, это как?*

– Да то же самое, только Питер там такой, какой был в году восемнадцатом, а то и хуже. И не квартиру Вам, а комнату в коммуналке со сволочами в качестве соседей и..

– *Не продолжайте, я понял. И ещё. Я таким стариком и буду там?*

– Нет, когда зайдете в Рай, там справа зал и на стенде найдёте свои фото. Выберите, какое Вы хотите и таким станете. Там всё описано. Ладно, идите. Сюда, кажется, вон та старушка, за которой Вы очередь занимали, идет.

**Давай, давай! Ну, кажись, оклемался. Можно в ре-
анимацию везти.**

Стойте, стойте! Не надо! Не хочууууу...

4. Жертва глобализации

Было уже самое начало октября, а лес и поля выглядели как в середине августа. Лишь легкая позолота едва тронула листья. Даже мой личный пруд на даче так прогрелся, что купание в нем напоминало погружение в море где-то в Греции в разгар туристического сезона. Воздух был неподвижен, и об осени напоминал лишь особый пряный запах грибов и прелых растений. Бабье лето, скорее настоящее жаркое лето наступило после мужского холодного, как кто-то

остроумно заметил на полях интернета. И по иронии судьбы наступило оно аккурат в день начала учебного года. Представляю ощущения школьников и студентов, которые прозябали весь июль и август, а именно первого сентября ползли к местам ученических страданий под палящими лучами солнца. И длилось это лето в нарушение всех законов природы не неделю, не две, а уже целый месяц и, судя по прогнозам, могло дотянуть и до моего дня рождения, который случился по совпадению с праздником, пока ещё праздником, очередной годовщины октябрьской революции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.